

ГАЛИНА ПАЦАЕВА

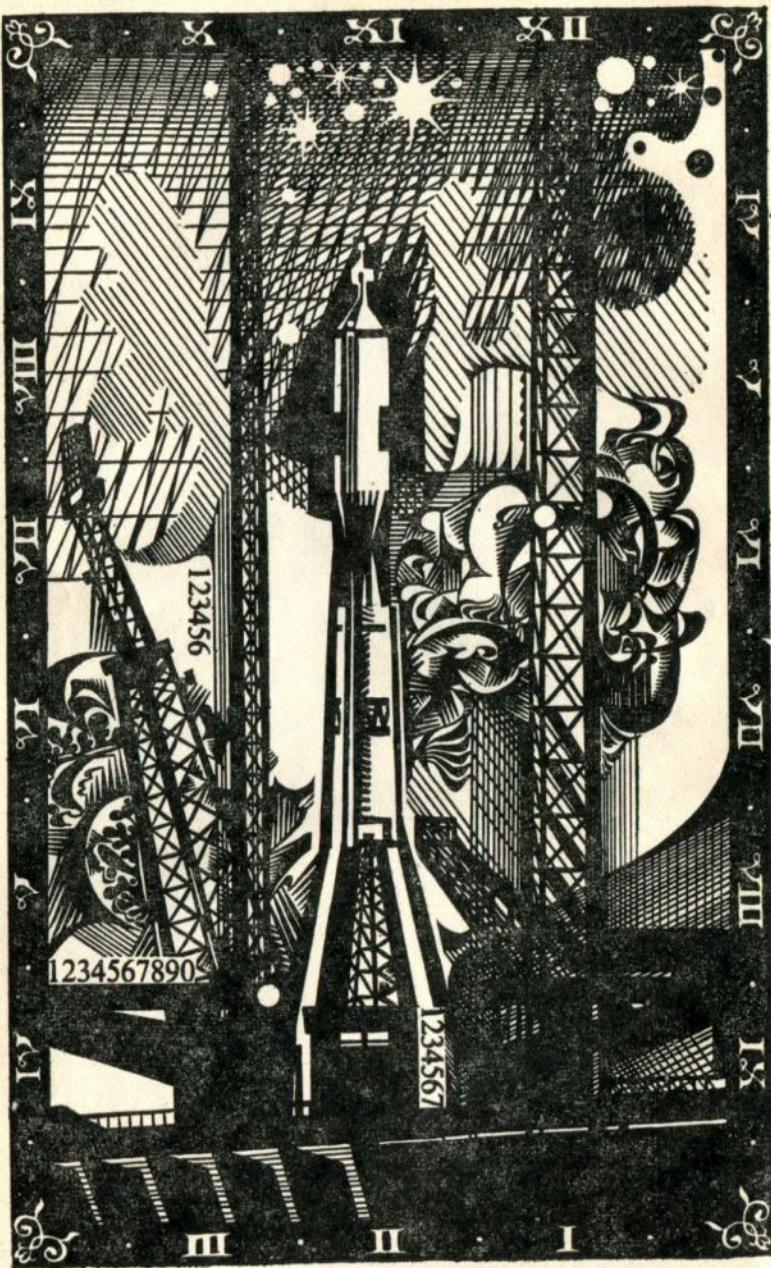
ОТВАГА
ИСКАНИЙ

Раны твои
б Дети восновательны
в верхней части ноги забыты и не
с насыщены в сорванные
и подземные, ученые, упор
но обещаю всему исправить
нас наше !

Быть
12 августа
1928 г.

ГАЛИНА ПАЦАЕВА
ОТВАГА
ИСКАНИЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

Приношу искреннюю благодарность всем, кто поделился со мной своими воспоминаниями о Викторе. Чувство глубокой признательности я испытываю к писателям и журналистам, которые помогли мне в работе над книгой: А. Д. Коптяевой, О. К. Кожуховой, А. П. Романову, Н. Т. Котышу.

Галина ПАЦАЕВА

Вы бессмертны, как возглас:
«Есть пламя!»
И неправда, что связь
прервалась:
Между Родиной нашей
и вами —
Двусторонняя вечная связь.

Евгений Евтушенко

«Дорогая Мария Сергеевна, с 1 сентября 1972 года Ваш сын зачислен в списки комсомольцев нашей школы. С этого дня он незримо присутствует в наших мыслях и добрых комсомольских делах...

Мы понимаем всю горечь Вашей материнской утраты, но поверьте: создание музея в школе поможет ребятам еще лучше осмыслить героический подвиг космонавтов, совершенный ими во имя человечества.

Очень просим Вас, напишите нам о Викторе Ивановиче, расскажите о его семье, друзьях, если можете, вышлите его фотографии.

Комсомольцы средней школы № 175 г. Киева».

Это лишь одно из многих, очень многих писем, которые получили мама и я. Они приходили и продолжают приходить отовсюду — из Ташкента, Куйбышевской, Калужской, Калининской областей... И в каждом вопросе: какие песни любил Виктор, какие книги читал, что ценил в людях, с чего начинал путь в космонавтику. И просьбы, просьбы о новых подробностях.

Я старалась в ответах побольше рассказать о брате. Но можно ли было в небольшом письме поведать обо всем, что хотели знать ребята?! И вот в который раз пришла мысль о книге.

П 31901—325 122—76
078(02)—76

Признаюсь, что, вчитываясь в эти письма, искренние, любознательные, по-юношески нетерпеливые, часто наполненные бескомпромиссными рассуждениями о сущности подвига, о великом и будничном, я и сама стала как-то по-новому смотреть на свои отношения с братом, на наши детские и юношеские впечатления. Многие отрывочные детали, факты, эпизоды, высказывания обрели вдруг внутренние связи, прояснились. Второстепенные, как мне казалось, подробности приобрели значительность. Одним словом, стали явственнее и ощущимее те истоки, которые питали целеустремленную, одержимую при всем своем внешнем спокойствии нацию Виктора. Его жажду (именно жажду) исследования, проникновения в самую суть явлений и вещей, которая впоследствии помогла ему в исследовательской работе на борту научной орбитальной станции «Салют».

О космосе и космонавтах написано уже много интересных книг. Их авторы — сами космонавты, ученые, журналисты, писатели. Эти разнообразные издания образуют обширную «летопись космической эры» — от запуска первого спутника Земли, блестательного полета первого космонавта планеты Юрия Гагарина до высадки человека на Луну и создания орбитальных станций.

Работа пилотируемой орбитальной станции «Салют» — качественно новый этап в развитии космонавтики. Г. Добровольский, В. Волков и В. Пацаев — пионеры этого нового направления космонавтики, которое самым непосредственным образом связано с интересами Земли и познанием вселенной. Виктор понимал, что создание орбитальных лабораторий и станций даст возможность наиболее полного охвата всех процессов, происходящих на поверхности планеты, и мечтал принять участие в долговременных исследованиях и экспериментах на борту одной из таких станций. Его мечта сбылась.

Да, о космосе и космонавтах написано много. Есть книги и об орбитальных станциях, их настоящем и будущем. Поэтому я не буду вторгаться в эту область, ученые и космонавты сделают это лучше и компетентнее.

Моя задача проще и в чем-то сложнее — рассказать о Викторе Пацаеве, таком, каким он был в жизни, каким знала его я, его близкие и друзья...

Любимый писатель многих космонавтов — Сент-Экзюпери как-то заметил, что «самолет — не цель, только средство. Жизнь рискуешь не ради самолета». Эти слова можно полностью отнести к Виктору. Ведь в профессии космонавта его привлекала в первую очередь возможность научного поиска, познания вселенной новыми методами.

Все, что делал мой брат, он делал во имя всех людей, во имя жизни. Поэтому, я полагаю, в его личной судьбе многие люди найдут отклик своим устремлениям.

И если мой рассказ о Викторе, о его личности, поступках, стремлениях поможет вам, молодые читатели, лучше разобраться в себе, в своих делах, исканиях, значит, я писала эту книгу не напрасно.

Герои не умирают — герои остаются с нами.

Пусть жизнь Виктора Пацаева, его подвиг помогут вам выбрать свою путеводную звезду, достичь самой заветной цели.

* * *

Звездный городок под Москвой. В распахнутое окно вливается свежий запах хвои, доносятся голоса вечернего Звездного. В комнате двое: корреспондент АПН Юрий Александрович Булушев и мой брат, инженер-испытатель космического корабля «Союз-11» Виктор Пацаев. Но есть еще и третий свидетель: маленький портативный магнитофон. Он-то и донес до нас содержание бесед корреспондента с командиром корабля Георгием Добровольским, бортинженером Владиславом Волковым и Виктором накануне старта в космос.

Через три года я встретилась в Москве с Юрием Александровичем, и он сказал:

— Добиться свидания с космонавтами было очень трудно. Но я решил: не уйду, пока не побеседую с ними! Это мне удалось. Но нам постоянно мешали, пытались войти в комнату, стучали в дверь...

Настойчивость журналиста помогла сохранить драгоценные голоса. Я прослушиваю магнитофонную запись; не сразу, но узнаю спокойный, ровный голос брата:

«Детство было, наверное, такое же, как и у всех моих одногодков: с восьми лет — война. Отец сразу ушел

на фронт и погиб в сорок первом под Москвой. Мама тянула нас с сестренкой. Сестренка младше меня. Помогал маме. Управлялись.

С детства полюбил ровную, как стол, казахскую степь и еще речку Илек. Не я один, все мои сверстники любили на ней пропадать. Маленькая речка, но нам она тогда казалась большой, а степь по весне расцветала одним огромным ковром ярких весенних цветов».

СТЕПНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

Детские и юношеские годы — самые красочные в памяти человека, они ключ ко всему — и к будущим победам, и к будущим неудачам, и к радостям, и к огорчениям.

Ольга КОЖУХОВА

Вспоминаю брата высоким мальчишкой с россыпью коричневых веснушек на носу, открытым взглядом больших зеленых глаз и часто с книжкой. Читал Виктор за поем. И если усаживался за книгу, то никакой силой, казалось, нельзя было оторвать его от этого занятия. Даже напоминания мамы, что не вредно бы и погулять на улице, на брата не действовали.

Разве что закадычный тезка Витя Самохвалов из соседнего двора соблазнит предложением гонять голубей.

Как сейчас помню его круглое, с ямочкой на подбородке, задорно сияющее лицо и загорелые руки, бережно прижимающие к груди голубя. Слышу его звонкое:

— Здрасьте! — И немного просительное: — Вить, ну пойдем! Ты опять читаешь...

— Иду, иду! — Витя нехотя отрывается от книги.

Мальчики убегают. Через минуту веселый ребячий смех и свист раздаются уже во дворе Самохваловых. Пользуясь отсутствием брата, я взбираюсь на табурет и заглядываю в раскрытую книгу, на левой странице изображен аккуратно подстриженный мальчик в расстегнутой гусарской курточке. Раскрытая книга с портретом юного Лермонтова навсегда запечателась в моей памяти...

Виктор с детства полюбил поэзию Лермонтова, и с годами любовь эта окрепла. Слова поэта:

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала, —

всецело можно отнести и к брату. Правда, это «чудесное» он пока искал в книгах, прежде всего в любимых книгах о летчиках. Повесть о Валерии Чкалове он перечитывал несколько раз. Увлекался и научно-фантастической литературой, рассказами об открытии новых земель, приключениях и подвигах смелых землепроход-

цев. На видном месте в его библиотечке стояли книги Жюля Верна «Таинственный остров», «80 тысяч километров под водой», «Дети капитана Гранта», «Из пушки на Луну».

Волшебница книга открыла любознательному детскому уму тайны далеких миров. Постепенно фантастика развила воображение Вити, зажгла в нем яркую мечту исследовать землю. Эта беспокойная мечта впоследствии сыграла большую роль в его жизни.

«Знание начинается с любознательности, — верно отметил в книге «Космические мосты» Владимир Губарев. — Без нее жизнь человека немыслима. Когда Христофор Колумб снаряжал свои корабли, его манили не только богатства Индии, но и стремление проложить путь через неведомые океанские просторы. Первопроходцев зовет неизведанное, и они уходят в него, чтобы подарить людям знания.

Знание благодарно. Проходит время, и теория, казалось бы, такая далекая от воплощения, становится необходимой в повседневности...

Я уверена, истоки подвига начинаются в детстве. Интересы и увлечения брата были такими же, как и у его сверстников, но было у него что-то свое, и хотя трудно выделить его из среды окружающих ребят, все находило горячий отклик в его чутком сердце и ищущем уме, поэтому увлечение книгами не «засушило» характера брата. Он по-прежнему оставался очень общительным и подвижным, каждый день убегал с друзьями на Илек купаться и ловить раков.

Доставали их из нор в камнях у водокачки. А иногда, дождавшись ночи, ребята разводили на берегу у самой воды костер и затихали. Раки выползали из воды на свет, и ребята живо собирали их в ведра. За один поход Витя и его дяди: Коля, Володя и Шурик Кольцовы, которые были ненамного старше его, приносили ведро пучеглазых бурых раков. В голодные военные годы это было хорошим подспорьем для семьи. Бабушка варила раков в кotle, вмазанном в низкую плиту в сенцах.

Дедушка наш, Сергей Абрамович Кольцов, работал конюхом при Госбанке. Витя помогал ему ухаживать за лошадьми, вместе с товарищами купал их в Илеке. В награду дедушка разрешал ребятам покататься верхом. Подсадит дед внука в седло, ударит сзади коня

кнутом: «Держись!» — и только рубашка на спине надувается пузырем да пыль поднимается из-под быстрых кованых копыт. Летят ребята во весь опор, обгоняя друг друга. А Шурик на всем скаку, словно цирковой наездник, встает во весь рост, да так и влетает на свою улицу. Выбежавшие мальчишки с восхищением и заистью провожают его взглядами.

Как только наступала весна с ее первыми цветами, золотистыми сережками верб у реки, ребята в воскресное утро уходили в степь за тюльпанами. Дорога уводила их все дальше от поселка.

— А помните, во-он на том холме мы прошлой весной нашли орлиное гнездо? Пойдемте туда! — предлагает старший среди всех Николай.

— Бежим, ребята! Кто быстрее? — выкрикивает Витя Самохвалов и первым срывается с места.

А Витя незаметно для себя отстает от ребят. Простор степи удивляет его своей бескрайностью, наполняет душу волнующей гордостью. Хорошо весной в степи! Свежий ветерок доносит запахи то горькой полыни, то розового выюнка, то неприметного чабреца, то каких-то других душистых трав. Степь живет своей неприметной с первого взгляда жизнью. И невольно задумаешься, слушая, как от легкого дуновения ветерка звенят колокольчики кукушкиных слез. И рождаются мечты, необыкновенные и захватывающие дух, как бескрайний простор степей и высокое небо над головой.

Потом, позже, уже взрослым, вдали от родных просторов, в один из свободных от тренировок дней, раскроет Виктор книгу и на первой странице прочтет: «Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги. Ибо земля нам сопротивляется. Человек познает себя в борьбе с препятствием. Но для этой борьбы ему нужны орудия. Нужен рубанок или плуг. Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку ее тайн и добывает всеобщую истину. Так и самолет — орудие, которое прокладывает воздушные пути, — приобщает человека к вечным вопросам».

Прочтет и удивится он общности своих мыслей с мыслями автора этих строк, летчика, писателя-романтика, француза Антуана де Сент-Экзюпери.

И вспомнит и степь, и курганы, и свои мальчишеские мечты. Но это будет потом...

— Ребята, сюда! Скорее! — возбужденно кричит Николай.

— Вот это яма! — удивляется Витя Самохвалов и мигом спускается на дно заросшей травой воронки, которая разместилась на самой вершине холма. — Наверное, здесь несколько лет назад брали глину для мазки изб.

— Эх ты! Это же курган! — необидно возражает Виктор и, видя, что ребятам этого мало, поясняет: — Когда-то давно, две-три тысячи лет назад, в наших степях кочевали племена скотоводов... Они часто воевали между собой из-за пастищ. Погибших воинов или своих вождей они хоронили в могилах, а над ними насыпали курганы. А этот могильник был, видно, разграблен в средние века искателями золота. Вот поэтому и появилась здесь воронка... Рассказал нам об этом один археолог. Он приходил к нам в школу. В степях нашей области кочевые племена оставили много таких памятников старины. А еще он сказал, что курганы эти надо сохранять, что они единственные свидетели древней культуры и нужны ученым, так как письменности в те времена не было.

Удивленные неожиданным открытием ребята невольно притихли.

Первым нарушил общее молчание Николай.

— Ну раз ты все знаешь, скажи, как назывались те племена?

Его голубые, всегда озорные, как у бесенка, глаза смотрели сейчас необычно серьезно.

— Точно не помню — кажется, сарматы...

— Я вообще-то слыхал о древних племенах, — сказал Николай. — Под Хлебодаровкой есть большие курганы. Трактористы когда пахали поле, распахали и один из курганов. Вместе с землей на поверхности оказались позеленевшие бронзовые наконечники стрел. Говорят, жители в курганах находят даже золотые украшения и какие-то каменные столики на трех ножках.

— Столики эти не простые, а жертвенные, — пояснил Витя. — На них около покойника укладывали красные камешки, как символ огня. Древние считали огонь священным и поклонялись ему.

— Ребята, смотрите: вон еще курган! — таинственным голосом сообщил Витя Самохвалов.

И тут ребята словно впервые увидели цепь окруж-

лых холмиков, подковой окружавших курган, на котором они стояли.

— Здесь, наверное, их вождь захоронен, — высказал предположение Шурик, — а под теми холмиками — простые кочевники.

— Может быть, — согласился Витя. — Вождя всегда хоронили вместе с его боевыми конями и прислугой... И курган на этом месте насыпали выше.

Теперь ребята уже с какой-то почтительной робостью смотрели себе под ноги. Их брала оторопь от одной мысли, что курганы этиостояли не одну тысячу лет, и они поспешили сойти вниз.

А внизу волновался ковер из ярко-красных тюльпанов. Вскоре у каждого в руках был большой букет цветов. Свой букет Витя подарил маме.

Тюльпаны навсегда остались любимыми цветами Виктора. Они напоминали ему солнечное детство, бескрайние степи Казахстана, хранящие в своих просторах множество интересных тайн.

ОРЛЕНОК

У весны легкие и быстрые крылья. Отцвели тюльпаны, замолкли птицы, высиживая в гнездах птенцов. В лугах поднялись травы. Начиналась сенокосная пора.

В это время Витя любил спать с Шуриком во дворе на свежей зеленой траве, которую дедушка стелил на тарантас. Над землей опрокидывалась темно-синяя чаша ночного неба с нестройно мерцающими звездами. Пряно пахла увядаящая трава. Шумно вздыхала в темноте корова. Где-то монотонно налаживал свою расстроенную скрипку сверчок. Заложив руки за голову, Витя неотрывно смотрел вверх.

Прочертил огненную дугу метеор.

— Вить, смотри — звезда упала! — вскрикнул Шурик. — Ты успел загадать желание?

— Нет.

— И я тоже нет... А о чём ты сейчас думал? Витя молчит. Потом негромко отвечает:

— Побывать бы на другой планете... Ну, например, на Марсе. Интересно, какая там жизнь? Ты читал «Аэлиту»?

— Нет.

— Я тебе дам почитать. Очень интересная книга. Начнешь читать — не оторвешься.

— Еще не спите? — неожиданно раздался голос Николая. Он работал на химкомбинате имени Кирова и после второй смены возвращался домой поздно. Николай ложился на телегу рядом с ребятами, и вскоре все трое засыпали.

На утренней зорьке ребята начинали мерзнуть. Первым от свежести просыпался Николай. Ну конечно, это соседская озорная девчонка Верка снова стянула с них одеяло. Ворча, Николай шел досыпать в избу, а Витя и Шурик продолжали мирно дремать на телеге.

Чуть свет отправлялся дедушка в луга. Когда солнце поднималось высоко над крышами домов, бабушка заворачивала для него в чистое полотенце обед: горячие пирожки с картошкой, кусок сала, хлеб, луковицу, бутылку топленого молока. Сумку вручала сыну Шурику с наказом нигде не задерживаться.

С кудрявым, черноволосым, как цыганенок, Шуриком отправлялись оба Вити — наш и Самохвалов. Однажды, проходя мимо старой мельницы, они увидели во дворе орлена. Птенец с трудом передвигался по земле, волоча за собой сломанное крыло. Возможно, он на лету ударился о провода.

Ребята стояли и смотрели на орлена, не зная, как ему помочь.

— Давайте возьмем его домой и вылечим! — горячо предложил Витя.

— Нельзя... Он не сможет жить в неволе, — совсем по-взрослому резонно заметил Шурик.

— А тут его кошки или собаки съедят! — возразил Витя.

— Будь что будет!

Он поймал орлена, бережно положил его в свою тюбетейку и понес домой.

На другой день ребята поместили орлена в вольер, сделанный Николаем из большого ящика и сеток. Первые три дня птенец не брал еду из рук и больно клевался. На четвертые сутки жадно проглотил кусок сырого мяса. Но мясо в военные годы достать было трудно, и ребята чаще кормили своего Орлика пшеном и кукурузными зернами. Как-то маме удалось купить мяса. С этого времени бабушку стали поджидать сюрпризы: исчезали со стола пельмени, в наваристом бор-

ще куда-то пропадали лучшие куски мяса. Вскоре она заметила, как, присев на корточки, Шурик и Витя разворачивали сырье пельмени и кормили фаршем орлена.

Витю, видно, мучили сомнения.

— Шурик, давай больше не будем брать у бабушки пельменей — сказал он. — Пойдем лучше наловим для Орлика сусликов в степи.

Орленок быстро рос, целый день он гулял по двору. Крыло его быстро заживало. Как-то он даже перелетел улицу и пропал, ребята с трудом разыскали его среди чужих сараев. Боясь, чтобы орленок не улетел совсем, они подвесили к его ножке свинцовый груз. Заметив через неделю, что орленок взлетает и с грузом, ребята увеличили его, но повесили его уже на другую ножку.

В течение лета груз дошел до килограмма, и Витя решил проверить: сможет ли орленок свободно летать без груза. На «пробные испытания» собрались ребята из соседних дворов. Вышли из своих хат бабушка и тетя Маруся Самохвалова.

Витя отвязал свинец от ножки орла и высоко подкинул его. К неописуемой радости ребят, сильные крылья степного красавца легко держали его в воздухе. Орел описал круг над двором и сел на сарай. Витя залез по лестнице на крышу сарая и, сняв орлена, снова высоко подбросил его. Затаив дыхание, ребята следили за тем, как орленок поднимался все выше и выше, пока не растворился в густой синеве неба.

— Ура! — дружно закричали ребята и стали подбрасывать вверх свои разноцветные тюбетейки.

Только у Вити большие глаза наполнились слезами. Он вздохнул и сказал:

— Ну ничего!. Пусть летит! Птицы ведь любят свободу. — Потом повернулся к Самохваловой и спросил: — А ведь правда, тетя Маруся, я умею выхаживать птиц?

— Умеешь, Витя, умеешь! — погладила его по плечу Самохвалова.

Но мальчики тосковали по своему пернатому другу. Сначала они надеялись, что Орлик сам прилетит. Потом два дня искали его в степи. Но орленок не вернулся.

В ПОИСКАХ ДОЛИ

Когда мы с братом стали взрослыми, мама рассказала нам об отце, о его детстве и юности.

...Четыре высоких, статных сына было у полтавского бедняка Данилы Пацаля. В наследство дал он им лишь свою долю безрадостную. Богата и красива Украина, да для бедняка в ней земли не находилось. Пересякнув котомку за плечи, уходили один за другим сыновья из покосившейся родительской хаты по чумацкому шляху в Крым, там они надеялись найти свое счастье.

Но вот пронесся слух, что где-то далеко-далеко за рекой Урал простираются бескрайние степи свободной земли. Это было похоже на легенду. Решил поискать свое счастье в неведомом краю и младший сын Данилы — Пантелея. В 1912 году собрал он немудреный домашний скарб, запряг пару волов и тронулся с семьей в путь. Ехали долго. Но все-таки добрались до далекого казахстанского края. Земли-то сколько! Ни разу не паханная, она просила заботливых рук. В селе Петровском Актюбинского уезда Тургайской губернии Пантелея Данилович с помощью жены и соседей построил землянку. Здесь родились сын Иван и дочка Феня.

Жизнь начала постепенно налаживаться. Но не любила радость задерживаться в бедном крестьянском дому, Пантелея Даниловича забрали на службу в царскую армию. А в те годы служили подолгу. Трудно пришлось его жене Мане. От зари до зари работала она на кулачках, одна управлялась на своем поле, пахала на быках, сеяла, за скотиной ухаживала. Надо ведь было прокормить и одеть двоих детей. Простудилась и только дождалась мужа со службы — умерла.

Горькую сиротскую долю брат и сестра испили до дна. Иван подростком уходил куда-то на заработки, а Феня нанималась в няньки к богатым хозяевам.

Но пришла в Казахстан Советская власть. Однажды Иван сказал: «Хватит, сестра, на богачей работать! Пойдем в колхоз!»

Первым коллективным хозяйством на их трудовом пути был Бугетсайский совхоз в Карабутакском районе. Здесь Иван устроился старшим гуртоправом, следил за перегоном скота в город. Позже трудолюбие и сметли-

вость выдвинули его в заместители директора Актюбинского пригородного хозяйства. Феня повсюду следовала за братом.

Не легче сложилось детство и у мамы. Семья была большая, чем могла Маруся помочь родителям: нянчила младших сестренок и братишек, управлялась по хозяйству, таскала тяжелые ведра с водой из реки, поливала огород, зимой ходила с подружками в школу. Подросла, окончила курсы воспитателей в Ак-Булаке. Направили на работу заведующей детским садом. Но тоска по родителям, сестренкам и братишкам вернула ее в родные места.

В восемнадцать лет Маруся заведует рабочей столовой в пригородном хозяйстве недалеко от Актюбинска. Здесь она подружилась с Феней Пацаевой, а потом и с ее братом Иваном. Полюбили друг друга. В конце лета Иван послал в Белогорск к родителям Маруси сватов. Осенью сыграли свадьбу.

Вскоре горпо поручило Пацаеву заведовать кролико-водческой фермой, которая находилась в восьми километрах от Актюбинска на реке Сазде.

Летом 1933 года отца перевели директором на хлебопекарню в Актюбинск. Но не долго пришлось ему поработать на новом месте: через месяц взяли на действительную службу в Красную Армию.

Отслужив два года, отец вернулся домой в звании замполита зенитной батареи. Райком партии направил его в районный центр Аккемир на должность начальника одного из отделов органов внутренней безопасности.

А вскоре, в 1937 году, районный центр перевели из Аккемира в Алгу. Вместе с организациями переехали в Алгу и сотрудники. Здесь на тихой Центральной улице быстро вырос наш дом.

«ХОЧУ УЧИТЬСЯ»

Мама рассказывает, что, придя однажды домой на обед, отец заметил, что шестилетний сын Виктор бойко читает заголовки в газете.

— Сынок, кто это тебя научил читать?

— Я сам!.. Вот, папа, смотри: на кубике нарисован арбуз, а рядом стоит буква. Значит, это буква А. Трудные буквы мне Шурик подсказал... Из кубиков я стал складывать слова. Я и книжку читать умею!

Удивленный отец попросил:

— Ну-ка почитай мне свою книжку.

Витя живо слез с колен отца, открыл шахматный столик, внутри которого находилась его детская библиотека, и вынул свою любимую книжку «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Алексея Толстого. Сосредоточенно нахмурив брови, он, почти не запинаясь, стал читать подписи к картинкам, изредка поглядывал на отца: правильно я читаю?

— А ты, сынок, понял, о чем в книге говорится?

— Понял... Мне мама читала. Деревянный мальчик Буратино хотел купить себе букварь, а купил билеты в театр на кукольное представление.

— Эта книга, сынок, о том, как добро побеждает зло. В жизни нужно делать людям добро, помогать тому, кто нуждается в твоей помощи. Запомни это.

Витя кивнул.

В то время детей в школу принимали с восьми лет. Но Витя частенько увязывался за Шуриком и садился с ним за одну парту. Вел он себя тихо, учительнице не мешал, и она его не прогоняла.

Когда весной класс, в котором учился Шурик, фотографировался вместе с учительницей, как равноправный член этого коллектива встал и Витя.

В сентябре Шурик пошел во второй класс. Племянник в слезы:

— Я тоже хочу учиться..

На этот раз просьба Вити была настойчивее, и отец позвонил директору школы:

— Примите, пожалуйста, в школу сына. Пусть походит вместе с моим братишкой. Надоест — самбросит.

Директор, проверив знания Вити, хотел перевести его сразу во второй класс, но отец не дал своего согласия. Витю приняли в первый класс. Широко открытыми глазами он внимательно следил за учительницей. Сколько теперь нового, интересного он узнавал каждый день!

Прошло две недели. Учительница спрашивала его наравне с остальными учениками. И Витя не только не бросил занятия, но стал одним из самых успевающих в классе.

Утром Витя собирался в школу еще затемно. Включит на кухне свет, сложит учебники в сумку и сидит.

— Сынок, ты что так рано встал? — спрашивала ма- ма. — Шурик еще спит.

— Я подожду...

Учебники Витя с гордостью носил в полевой сумке отца.

Первой учительницей Вити была Нина Георгиевна Мельниченко. Недавно я встретилась с ней, и, хотя прошло много лет, она хорошо помнит своего ученика. Вот что она рассказала:

— Витя учился с большой охотой, слушал внимательно мои объяснения. При закреплении нового материала он всегда мог повторить сказанное мною на уроке. Очень любил арифметику, с первого класса считал без палочек, быстро давал ответы при решении задач и примеров, а занимательные задачки легко решал в уме. По арифметике имел отличную отметку и всегда старался оказать помощь своим товарищам. Друзья относились к нему с большим уважением, любили его за доброту и внимание. В играх он был вожаком.

Еще Витя очень любил природу. Всем интересно было послушать его рассказы о том, как с дедушкой ходил на сенокос. Вот такие ученики запоминаются. В детстве Витя был крепким и выносливым. В школу ходил чистым и аккуратным, учебники и тетради были у него без помарок.

РЫЖИК

За отличные успехи в школе отец пообещал Вите подарить щенка. Однажды он вернулся из командировки, с улыбкой остановился в дверях и хитро глянул на сына:

— Угадай, что я тебе привез?

Витя бросился к отцу и увидел, что на груди из-под шинели выглядывает симпатичная мордочка щенка с белыми лапками.

— Ой, папочка, большое тебе спасибо!

Витя взял мягкого, теплого щенка и прижал к себе.

— Ты же знаешь, папа, как я хотел, чтобы у меня была овчарка! Я выучу ее, а потом отдам пограничникам.

— А как назовешь свою овчарку?

— Джульбарсом!.. Как в книге «Джульбарс». Я хочу, чтобы мой Джульбарс тоже был таким же умным.

Но Джульбарс, когда вырос, оказался добродушным созданием, он ни на кого не лаял. Зимой дети впряженные его в санки и катались по улице.

Решил Витя воспитать в Джульбарсе качества овчарки. Пошел с ребятами к соседям Савицким и попросил у них на время маленькую собачку с кутиками. Нрав у собачки был на редкость злым. Кто бы ни зашел во двор, она выскакивала из будки и заливалась лаем. Ребята сзади подталкивали Джульбарса.

Вышла однажды мама из избы. Видит, стоит Джульбарс посреди двора и солидным басом лает.

— Лает! Ура-а, лает! — кричали ребята, подпрыгивая и размахивая руками.

— Ты слышишь, мама, Джульбарс лает! — радостно закричал Витя.

На следующий год отец подарил сыну уже небольшое, но настоящее охотничье ружье.

— Ну, сынок, держи! Хоть и рановато дарить тебе ружье, да не по годам ты у меня взрослый. Охота — полезный и интересный отдых. Будешь внимательным — природа многому тебя научит, многие свои тайны откроет перед тобой.

На всю жизнь охота осталась любимым отдыхом Виктора.

Умел отец приносить детям радость. Был у него мотоцикл. В то время в селе это было большой редкостью. Ребята с Центральной и Садовой улиц с нетерпением ждали момента, когда отец возвращался с работы. Высокий, добрый, он с улыбкой сажал какого-нибудь довольно мальчугана на заднее сиденье и катал по улице. Остальные терпеливо ждали своей очереди.

Говорливыми ручьями прошумела весна 1940 года. Первый класс Витя окончил с отличием. Летом, как всегда, он помогал дедушке на сенокосе.

Однажды Витя, Коля, Шурик и Витя Самохвалов ехали на арбе с сеном вдоль узкоколейки, которая соединяла химкомбинат с карьерными разработками фосфоритных руд. Вечерело. Солнце задержалось у самого горизонта бескрайней степи. Вдруг в широкой трубе под узкоколейкой Николай, управлявший быками, заметил лисенка.

— Ребята! Смотрите — лисенок! — только успел он сказать, как ребята, словно горошины из спелого

стручка, посыпались с арбы. Моментально созрел план действия. И вот рыжеватый напуганный зверек уже в цепких ребячьих руках. Все гладили лисенка, старались его успокоить.

— Какой он красивый! — восторгался Витя. — А грудка какая у него белая!

— Смотрите: хвост какой пушистый!

— Дайте мне его подержать! — попросил Витя Самохвалов.

— Осторожно! А то укусит... Зубы у него вон какие острые, — предупредил ребят Николай.

Лисенка поселили в летней кухне бабушки Кольцовской. Назвали его Рыжиком. Поили Рыжика молоком, пока не подрос, и держали все время на привязи. А сделана она была обдуманно: чтобы лисенок не снял ошейник лапами, ребята перехватили ремнем ему грудку.

Узнала о лисенке и Нина Георгиевна и вместе с учениками пришла посмотреть, как Витя выхаживает зверька. Лисенок уже освоился со своим новым образом жизни. Черные бусинки его глаз выражали не испуг, а любопытство. Он доверчиво обнюхивал протянутые к нему руки ребят — видно, искал лакомство.

Все шло хорошо до того момента, пока лисенок не съел у бабушки двух молодых курочек. Печальным напоминанием о случившемся долго летали по двору перья. Следующей жертвой лисенка стала любопытная соседская курица. Тогда бабушка решительно запротестовала, и лисенка пришлось отдать Вите Самохвалову.

Наступила осень. Рыжик подрос, стал красивым и пушистым. Он привык к ребятам и охотно бежал на кличку.

— Давай выпустим лисенка на волю! — сказал Витя своему тезке, Самохвалову.

— Жалко как-то... Полгода ухаживали за ним...

— Диких зверей нельзя держать в неволе: они могут от тоски заболеть. Скоро зима наступит. Где мы его будем держать?

— Ну ладно, — грустно согласился Витя Самохвалов. Он надел на Рыжика поводок. Вышли на улицу.

— Лиса! Смотрите: лиса! — кричали мальчишки и бежали следом.

Вышли за поселок в степь.

Витя снял ошейник и отошел на несколько шагов. Лисенок сел и, забавно склонив голову набок, вопросительно смотрел на ребят.

— Ну иди, несмышленый, иди! — слегка подтолкнул Рыжика ногой Самохвалов.

Зверек отошел на три шага и снова сел.

Витя стоял, скрестив руки на груди, и с улыбкой смотрел на лисенка.

— Смотрите: не хочет на волю! — шумели рядом мальчишки.

Кто-то свистнул. Рыжик навострил уши, но остался на месте. Но вдруг из-за домов выскочила собака Самохваловых по кличке Мальчик. Лисенок сразу почувствовал опасность и вмиг исчез с глаз, затерялся в степи среди порыжевших кустиков бурьяна.

ОТЕЦ

— В то время я был восемнадцатилетним комсомольцем, работником райкома партии, — недавно рассказывал мне Василий Григорьевич Бутов. — Хорошо помню, как зимой входил к нам в отдел партийного учета и контроля высокий военный в шапке-ушанке, длинной шинели и, здороваясь за руку, приветливо улыбался. Он доставлял в отдел секретную почту. Ходил он смелым шагом, широким, энергичным. Я знал его фамилию, так как при сдаче пакета он всегда расписывался: «И. Пацаев». Когда старый мой начальник — опытный коммунист Анашкин ушел на пенсию, заведующим отделом партийного учета райкома партии назначили Ивана Пантелеевича Пацаева. В первый же день работы на новом месте он просто сказал мне: «Ну, Ва-ся, будем вдвоем с тобой работать».

И это простое «Вася» сразу понравилось мне.

В штате райкома партии было много работников, но все выглядели по-граждански, а Иван Пантелеевич выделялся особенной выпрекой, не щегольской, а очень естественной, соответствовавшей натуре этого собранного и дисциплинированного человека. Своим прибытием он внес струю свежести в нашу устоявшуюся жизнь. Изменился распорядок рабочего дня. Иван Пантелеевич предложил ежедневно в каждом отделе слушать утром последние известия по радио и читать газеты. С его предложением все согласились. Отводилось на

это мероприятие по пятнадцать минут перед началом работы.

Я вначале относился к этому новшеству поверхностно: слушал и не слушал. Но вскоре меня заинтересовало то, что читал Иван Пантелеевич и как комментировал прочитанное. А он досконально разбирал передовые статьи «Правды» и давал очень лаконичные, интересные пояснения, которые в сжатой форме передавали суть статьи.

Работу свою Иван Пантелеевич любил, трудился, не считаясь ни со временем, ни с отдыхом. И всех окружающих заражал неистощимой энергией, жизнерадостью. Казалось, он никогда не падал духом, не видно было в нем усталости или недомогания.

К людям Иван Пантелеевич был очень чуток. Узнал, что я рано лишился родителей, жил в общежитии, и взял надо мной шефство. Его никогда нельзя было обмануть.

Если я уверял, что сыт, он внимательно взглядывал на меня и голосом, не терпящим возражений, говорил:

— Вижу, что без завтрака пришел на работу. Чувствую, что и не ужинал. Так вот, дорогой, пойдем ко мне домой обедать!

Часто приносил еду из дома, заставлял меня в его присутствии поесть, только тогда успокаивался. Порою у меня в кармане не было ни гроша. Как-то узнавал он и это. Давал мне денег на обед и отправлял в наш буфет. Я, конечно, пытался возвращать ему долг, но он и слушать не хотел.

По работе Иван Пантелеевич полностью доверял мне все: сейфы, ключи, ценные бумаги. «Вот тебе ключи, приходи заниматься, когда хочешь». И никогда лишний раз не предупреждал: «Смотри, не потеряй!» И я никогда его не подводил. Я гордился этим доверием и сейчас, спустя тридцать лет, если чувствую к себе хоть малейшее недоверие, обижуюсь. Вот насколько сильно он внушил мне тогда чувство собственного достоинства.

Любил я рассказы Ивана Пантелеевича о гражданской войне и о периоде становления колхозов, о кулацких заговорах и о смелых людях, коммунистах, которые защищали Советскую власть до последнего дыхания. Истории эти он слышал от живых участников событий тех незабываемых лет. Говорил сжато, но образно.

Я мог подолгу слушать его. Под влиянием этих рассказов и формировалось мое мировоззрение.

Иван Пантелейевич гордился тем, что служил в рядах Красной Армии.

«Кто я? — любил он повторять. — Сын крестьянина-бедняка. А Красная Армия меня человеком сделала».

Когда однажды я заявил, что хочу служить в авиации, он загорелся желанием помочь мне: позвонил в облвоенкомат, выяснил, когда будет набор. И вот весной 1941 года моя мечта сбылась: я был принят в авиационную школу.

Помню, за год до этого по рекомендации Ивана Пантелейевича меня избрали председателем райкома профсоюза. Я долго отказывался. А Иван Пантелейевич сказал, что я самый молодой по возрасту работник райкома партии, а такому работнику надо к будущему готовиться, учиться и расти. Так я и вел эту работу до призыва в армию, а он мне постоянно помогал, объяснял тонкости профсоюзного дела. Отправляя меня в Актюбинск делегатом на профсоюзную конференцию, он напутствовал: «Обязательно, Вася, выступи на собрании».

Но в последний момент я оробел и не решился выступить перед огромной аудиторией. А Иван Пантелейевич потом успокаивал: «Ничего, Вася, робость твоя со временем пройдет, и ты не будешь стесняться».

Он оказался прав. Впоследствии много лет и с успехом мне приходилось выступать перед большими аудиториями, как лектору и пропагандисту.

Сам Иван Пантелейевич на собраниях всегда выступал прямо и откровенно. Он был строг к недостаткам, внутренне не переносил их. В коллективе его очень уважали за принципиальность. И еще за доброту. Помню, один наш сотрудник серьезно заболел. Иван Пантелейевич тут же достал редкое лекарство и отнес больному.

Иван Пантелейевич любил свою семью, гордился женой. Это была дружная, верная семья, уважаемая всеми...

По рассказам родных, Виктор был очень похож на отца. От отца к сыну перешли и честная прямота характера, и скромная, неброская манера держаться, и непоколебимая целеустремленность.

ВОЙНА...

Полоска земли начищована дымной бедой,
Полосочка узкая, словно ребячья ладёнь.
Но этот великий клочок, будто сердце,
вместил
И смерть, и бессмертие, и память, и
фланги, и тыл...

М. КАНОАТ
(перевод с таджикского Р. Рождественского)

В то ясное июньское утро эхо беды принесло в Алгу радио. Мама вспоминала потом, что кормила меня (в то время мне было чуть больше года), когда неожиданные позывные Москвы заставили ее насторожиться. Вошла бабушка, в тревоге остановилась у порога. Услыхали они сообщение Молотова о начале войны, навязанной нам фашистской Германией, кинулись друг к другу и заплакали.

На следующий день первые колонны добровольцев строем ушли из Алги в областной центр. Отец в это время находился в командировке в одном из отдаленных колхозов района. За ним из военкомата послали машину. На рассвете в полном обмундировании он забежал домой проститься. Мама собрала угощенье на стол. Набралась полная изба народу. Бабушка, чувствуя сердцем беду, с криком припала к плечу зятя. Он бережно отнял ее, уговаривая:

— Не плачьте, мама! Мы обязательно вернемся в Алгу с победой!

Проводы были короткими. Соседи и друзья пошли проводить отца до военкомата, который находился от нас через три дома. Как рассказали мне впоследствии, мама рыдала, отец одной рукой поддерживал ее, а на другой нес меня. Витя шел рядом, не выпуская из рук полу отцовской шинели. Перед военкоматом все остановились. Отец несколько раз высоко подкинул меня на руках.

— За твоё счастье, доченька, идем воевать, за счастье всех детей Отчизны! — сказал он и, крепко расцеловав, передал меня тете Марусе Самохваловой. Потом обратился к Вите: — А ты, сынок, хорошо учись, слушайся маму и бабушку, помогай им! Ты теперь остаешься за взрослого мужчину в доме.

Поцеловав Витю, маму, попрощавшись с соседями, отец сел в кабину машины, помахал фуражкой на прощанье...

По указанию ЦК КП Казахстана и штаба Среднеазиатского военного округа Актюбинский областной военкомат приступил к формированию 312-й стрелковой дивизии. В Актюбинск прибыли командир дивизии полковник А. Ф. Наумов и комиссар Я. Э. Сировский.

Командный состав дивизии создавался из людей, ранее прошедших военную подготовку в рядах Красной Армии. Учитывая тяжелое положение на фронте, формирование частей шло спешным порядком.

В военкомате отец встретился со своим другом, инструктором обкома партии Иваном Васильевичем Танайским. Их зачислили политруками в один артиллерийский зенитный дивизион. Днем и ночью готовили они вместе с командирами свои подразделения к боям.

Пока дивизия формировалась, мама три раза приезжала со мною в Актюбинск. Останавливались у тети Фени. У нее в это время жил Витя. Вчетвером мы шли к отцу.

— Не расстраивайся, Марусенька! Не я один ухожу на фронт. Береги Галочку и Витю, а я — «или грудь в крестах, или голова в кустах»... Если не погибну, то вернусь героем.

17 августа 1941 года... Дивизия выстроилась в полевом лагере для принятия воинской присяги.

В тот же день один за другим воинские эшелоны отправлялись на фронт. Случилось так, что на вокзале оказался и Василий Бутов.

— Неожиданно я увидел среди военных Ивана Пантелеевича, — вспоминает Василий Григорьевич. — Он стоял, готовый в дорогу, с рюкзаком за плечами, внешне такой же неунывающий, жизнерадостный. Лишь в глазах затаилась грусть. Взволнованный и обрадованный встречей, я подошел к своему бывшему начальнику, по здоровался с ним. У Ивана Пантелеевича была сильная широкая ладонь.

«Ну что, летаешь?» — спросил он.

«Да! — не без гордости ответил я. (В то время я уже выполнял фигуры высшего пилотажа.) — Я уже самостоятельно летаю».

«Жаль, что не смогу посмотреть, ведь и моя доля труда в этом есть. Трудно?»

«Сначала было тяжеловато, а сейчас ничего. Вот завтра утром я пролечу над станцией — и посмотришь...»

«Завтра мы будем уже далеко... Ну что ж, нам пора!

Давай учись, только получше овладевай машиной и прилетай к нам на фронт. Бить врага вместе будем».

«Постараюсь!»

Я тогда не знал, что вижу Ивана Пантелеевича в последний раз.

...Ночью 17 августа кто-то постучал в окно. Мама вышла. Товарищ отца протянул ей сложенный листок бумаги:

— Это вам от Ивана Пантелеевича.

В комнате при электрическом свете мама прочла две торопливые строчки: «Машенька, завтра рано утром нас отправляют на фронт. Целую, Иван».

«Во что бы то ни стало проводить Ваню, увидеть его в последний раз! — лихорадочно билась мысль мамы. — Ночью в Актюбинск идет пригородный поезд...»

С тоской в сердце она разбудила меня и собрала отцу гостинец. Вышли в ночную темень и пошли на вокзал. Еле дождались пригородного поезда. Вагоны были переполнены провожающими. Все спешили в Актюбинск проститься с мужьями, братьями, отцами, уезжающими на фронт. С большим трудом втиснулись в вагон.

Все сорок километров поезд шел еле-еле. На разъезде в нескольких километрах от Актюбинска он совсем остановился. Люди стали волноваться, высказывать различные предположения, но толком выяснить ничего не удалось. Началась обычная в таких случаях неразбериха. Мама не знала, что делать. Она уже решила пойти со мной пешком, но остановила мысль: «А вдруг поезд сейчас тронется».

Десять часовостоял поезд на разъезде, а когда прибыл в Актюбинск, воинский эшелон только что ушел. На перроне среди провожающих еще стояли тетя Фения и Витя.

— Ваня все время высакивал из вагона, вас ждал, — рассказывала она маме. — Мы с Витей его и проводили. Очень жалел, что с тобой и Галочкой не смог повидаться.

— Простить себе не могу, что не проводила Ваню на фронт, — в слезах, задумчиво сказала мама.

А на следующей день ей исполнилось двадцать восемь лет.

...Вскоре пришел первый серый конверт от отца. Мама распечатала его и прочла вслух собравшейся семье:

«Добрый день, Марусенька, Витя, Галочка, бабушка, дедушка, Коля, Володя, Шурик, все знакомые и соседи. Шлю красноармейский привет, всего наилучшего в вашей повседневной жизни и работе. Новостей нет. Еду благополучно, для вас известно куда. Жив и здоров. И думаю жить до тех пор, пока не притащу Гитлера, привязанного к платформе, в Алгу.

Мурочка, я вам послал немного денег. Купите, что нужно. И послал папе Пацаеву сто рублей, на махорку.

Галочке, Вите привет особый — с любовью, горячим поцелуем. Ваш муж и папа. С далекого края, города Калуги. Не грустите».

Разве мог предположить отец, проезжая на фронт через Калугу, что его сына позовут в космические дали идеи ученого, который жил в этом городе, — Константина Эдуардовича Циолковского? Виктор преклонялся перед научным подвигом Циолковского. О его дерзких планах покорения космоса — эфирных городах, воплощенных в долговременных орбитальных станциях со сменяемыми экипажами — расскажет Витя спустя три десятилетия маме.

В августе — сентябре 1941 года 312-я и 316-я дивизии (будущая гвардейская Панфиловская) были переброшены на Северо-Западный фронт, в район Валдая. Вначале в активных боях они не участвовали, вели борьбу с диверсионными группами, которые в большом количестве забрасывали враг в этот район.

Расположение советских подразделений фашисты подвергали ожесточенной бомбежке с воздуха, в день делали по два-три массированных налета, сбрасывая воющие и ревущие бомбы. Но актюбинцы научились отбивать воздушные налеты из автоматов. В этой обстановке бойцы прошли хорошую боевую закалку.

Письма с фронта приходили часто. Короткие, всего в один листок, они писались наскоро, размашистым почерком. Каждая строчка дышала теплом и любовью.

«...Сообщаю, что я нахожусь на Новгородском направлении. Одно плохо, что о вас, особенно о Галочке, соскучился. Не могу представить себе, какая она сейчас стала.

Передавайте привет всем кумовьям и соседям. Пишите, как живете, в чем нуждаетесь. За меня не беспокойтесь. До свидания».

Мама часто собирала посылки отцу на фронт, регулярно посыпала ему газеты, в том числе и «Актюбинскую правду». Бабушка пекла дорогому зятю сдобнушки, надевала очки и садилась за стол писать ему письмо, медленно выводя на листке неровные буквы.

В конце сентября пришло от отца письмо. Было оно не обычное: состояло из стихов. Были в нем и такие строки:

Мы народ весьма любезный,
Не останемся в долгу,
Всем, чем можем быть полезны,
«Удружить» спешим врагу...

Вскоре пришло другое письмо, написанное 2 октября. Отец в нем сообщает: «Мы пока на Северо-Западном фронте. Боевые песни везде помогают нам. Одного все мы желаем, что и вы: разбить врага в пепел, замести следы паскудные и возвратиться домой с победой...»

У ПОРОГА СТОЛИЦЫ

«На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова и курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ...

Ценой больших потерь противник оттеснил наши части к реке Протве, а затем к реке Наре, но прорваться дальше не смог» *.

* * *

Виктор горячо и нежно любил отца, бережно хранил в сердце память о нем. Вместе со своими детьми ездил в Малоярославец, и там среди надписей на братских могилах он с затаенным волнением долго искал фамилию отца. Не знал Виктор, что могила отца безымянна...

У Бородина на холмах среди перелесков рядом с монументами русским воинам, защищавшим столицу в Отечественную войну 1812 года, стоят памятники советским солдатам, оборонявшим священную землю. Дважды страшная война прошла по этим местам. И неподалеку от пушек с горками чугунных ядер буйной

* Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления.

травой зарастают блиндажи и окопы, оставшиеся от последней войны.

Стоя у могилы советскому солдату, обсаженной по углам березками, я думала: «Кто защищал этот памятник Кутузову? Какая дивизия здесь оборонялась?»

Об этом я узнала позднее. А сражались здесь, оказывается, наши казахстанцы. Спустя четверть века рассказал мне о событиях того времени их очевидец Иван Васильевич Тананайский:

— Мы с твоим отцом знали, что война будет длительной, тяжелой и потребует много жертв для того, чтобы победить ненавистного врага. В откровенном разговоре мы решили, что воевать будем насмерть, а если кто из нас останется в живых, на того ложится обязанность не оставлять семью погибшего в беде, оказывать ей помощь.

В октябре возникла угроза прорыва фашистских бронированных орд к Москве. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о создании Можайской линии обороны — западнее городов Волоколамска, Можайска и Малоярославца, в 120—130 километрах от Москвы.

Наша дивизия первой из казахстанских соединений прямо с марша вступила в бой. Мы задержали продвижение немецких войск на Москву и тем самым дали возможность командованию перегруппировать имеющиеся здесь резервы, подтянуть свежие силы и создать мощный боевой ударный кулак для будущего контрнаступления.

15 октября сложилась напряженная обстановка на левом фланге нашей дивизии в районе села Детчино. Противник безуспешно стремился захватить его с фронта. Сделать это ему так и не удалось. Тогда он стал обходить Детчино и через деревни Малахово и Березовку охватывать село с тыла.

В восьми километрах севернее Детчины, окруженная березовыми рощами, раскинулась деревня Березовка. С запада ее заслоняет лесистая высота 209,9. У подножия этой высоты расположился наш отдельный зенитный артдивизион.

Утро 16 октября выдалось тихим и солнечным. Но недолго радовала нас эта ясная осенняя тишина. Неожиданно над Березовкой появилось более двадцати бомбардировщиков. Они построились в круг и начали «об-

рабатывать» наши позиции. Рвались бомбы, строчили пулеметы. Бойцы не успели окопаться на высоте, как налетела другая волна немецких стервятников. В окопе рядом с собой я заметил ракетницу. Схватив ее, послал красную ракету в сторону немецкой позиции. Самолеты противника, бросив бомбить нашу передовую, перелетели на свою сторону и так же старательно стали уничтожать своих. Сигнал ракеты «красные там» ввел немецких летчиков в заблуждение.

Об этом эпизоде долго со смехом вспоминали в дивизии. Но это была лишь небольшая разрядка в неравном, жестоком бою, разыгравшемся за высоту 209,9.

Подразделению было поручено выполнить две задачи: вести оборону деревни Березовка и во что бы то ни стало освободить высоту 209,9, откуда под прикрытием деревьев фашисты вели прицельный огонь. Вот они пошли в атаку. Подпустив врагов на близкое расстояние, Иван Пацаев, Сагинтай Курманбаев, Петр Сафронов и другие бойцы связками гранат забросали переднюю линию наступающих фашистов, а остальные, открыв дружный огонь, с криками «Ура!» бросились в рукопашную схватку. Фашисты откатились, оставив на поле боя сотни убитых и раненых. Первая победа окрылила наших бойцов, они бросились в контратаку на высоту. Но атака захлебнулась от огня замаскированных пулеметных гнезд противника. Тогда группа офицеров и бойцов, в которую добровольцами вошли твой отец, рядовой Александр Соловей, Григорий Кирпиченко, я и еще несколько человек, во главе с командиром дивизии Федором Костиным подползли к врагу на близкое расстояние и с криками «Ура!», «За Родину!» связками гранат уничтожили пулеметные гнезда противника.

Здесь и пал смертью храбрых твой отец, — рассказывал Иван Васильевич. — Я находился рядом с ним, когда смертельно раненый, превозмогая боль, он успел сказать:

— Ваня... передай Машеньке... что я погиб за Родину честно...

В тот трагический день с наступлением темноты мы проводили своего политрука в последний путь, похоронив его у склона высоты 209,9. В дивизионе старшим по званию остался я, и мне предстояло подписать похоронную на имя Марии Сергеевны, но я этого сделать не мог и попросил подписать извещение другого офицера.

Вспоминая сейчас Ивана Пантелейевича, хочется сказать, что в самые тяжелые для страны дни он твердо верил в нашу победу над врагом.

ПОХОРОНКА

6 ноября 1941 года пришел конверт из Актюбинского облвоенкомата. Почтальонша принесла его маме на работу и протянула в окошко кассы без обычной радости, поторопившись уйти. Дрожащими руками мама вскрыла конверт. В письме сообщалось, что политрук Пацаев Иван Пантелейевич «в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 16 октября 1941 года».

— Убит!.. — ахнув, мама упала в обморок.

О случившемся сообщили дедушке на работу. Он запряг в сани лошадь и приехал за мамой. Это была первая похоронка, всколыхнувшая всю Алгу. Люди шли и шли в наш дом: соседи, хорошие знакомые, с которыми отец и мать не раз сидели за праздничным столом. Своим участием люди словно хотели часть горя, обрушившегося на нашу семью, взять на свои плечи.

Маму отливали водой. Бабушка Настя безутешно плакала. Рассказывают, что я тоже по-своему, по-детски поняла, что с папой что-то случилось, хотя мне было полтора года. Я взобралась на кровать и, протягивая к портрету отца кусочек хлеба, повторяла: «Папа, на!..»

Потрясенные сообщением, прибежали с работы дядей братья мамы — Николай и Владимир. Они любили отца за доброту и ласково называли его «браткой».

Вернулся из школы Витя. Узнав о случившемся, он не смог оставаться дома, убежал к соседям Самохваловым. Там, лежа на русской печи, он рыдал, вздрагивая всем своим худеньким телом.

Отец погиб совсем молодым, ему был всего тридцать один год.

Война принесла нашей семье, как и многим другим советским семьям, непоправимое, страшное горе. Но надо было жить, сражаться с врагом, чтобы отомстить за погибших родных. Нужно было, не жалея сил, трудиться в тылу, чтобы приблизить День Победы.

И мама не могла оставаться без дела. Сначала она заведовала хозяйственным магазином, а потом ее пригласили работать в Госбанк. Кассир, ведущий приходные

денежные операции, ушел на фронт. Мама стала работать за двоих: и за приходного, и за расходного касиров.

В поселке, как и по всей стране, широко развернулась кампания по сбору и отправке на фронт теплых вещей и продуктов. Общественность города выбрала маму председателем комиссии по сбору средств в пользу фронта.

Домохозяйки вязали шерстяные носки и варежки с двумя пальцами, чтобы бойцам удобно было стрелять из винтовок.

Зимой стали собирать деньги на постройку танковой колонны. Теперь маме приходилось после работы до двенадцати часов ночи принимать в кассу Госбанка денежные вклады от сельсоветов и отдельных граждан. Люди сдавали большие суммы. Мама тоже внесла все свои сбережения — двенадцать тысяч рублей.

Война все ощутимее вторгалась в жизнь поселка. Дом культуры химиков закрыли. В его трехэтажном здании разместился военный госпиталь. Все чаще и чаще приходили эшелоны с ранеными. В эти дни закрывались двери контор, и все работники шли на железнодорожный вокзал. На носилках переносили раненых из вагонов в баню, а потом в госпиталь.

В госпитале все палаты с ранеными были закреплены за организациями — шефами. Ослабевшим от большой потери крови бойцам женщины каждый день приносили молоко. Они доставляли в палаты свежие газеты, читали вслух книги, писали родным бойцов письма.

Выздоравливающих раненых сельсовет распределял по квартирам в поселке. Направили и к нам совсем еще молодого бойца Василия (фамилия, к сожалению, с годами забылась). У него после ранения не действовала правая рука. Бабушка взяла на себя дополнительные заботы, стирала и гладила Василию белье. Вскоре Василий устроился инструктором в ДОСААФ. Свою первую зарплату он принес бабушке. Но она отрицательно покачала головой:

— Нет, сынок, деньги твои я не возьму. Маруся не велела, говорит, пусть купит себе что-нибудь. Живи спокойно, не стесняйся, питайся с нами, выздоравливай.

Десять месяцев прожил у нас Василий. А когда освободили от немцев его родные смоленские места, он вернулся на родину. Село его фашисты сожгли, роди-

телей он нашел в землянке в лесу. Вскоре к нам в Алгу пришло от родителей Василия письмо. Они благодарили маму и бабушку за то, что поддержали в трудное время, помогли выздороветь их единственному сыну.

КРАСНОЗВЕЗДНЫЙ ПЛАНЕР

После известия о гибели отца Витя стал молчаливее, как-то сразу повзрослел. Учился старательно. Дома во всем помогал маме.

Прошел год... Однажды брат пришел домой особенно сосредоточенный, поглощенный своими мыслями. Даже от обеда отказался. Встретив вопросительный взгляд мамы, он горячо стал упрашивать, чтобы она отпустила его учиться в суворовское училище, куда уехал поступать один его товарищ. Разговаривали долго... В конце концов она убедила сына, что нужно окончить десятилетку.

Несколько дней брат ходил сумрачный.

Вспоминая этот эпизод, мама признавалась мне, что после гибели отца она не хотела, просто не могла расстаться с сыном. Как-то будет он без материнской ласки и заботы!

Мне кажется, что Витя понял душевное состояние мамы, потому и остался дома. Он был не по годам серьезным и вдумчивым.

Наступили весенние дни 1943 года. Радио и газеты приносили сообщения о положении на фронтах. Прошли жестокие зимние сражения. Победа под Сталинградом наполнила сердца советских людей радостью. Впереди предстояла знаменитая Курская битва. А сейчас, весной, стояло затишье. Казалось, что солнце светило ласковее и теплее.

В один из таких весенних дней, сразу же после занятий в школе, Витя побежал к бабушке.

— Бабушка, дайте мне нож, которым вы рубите капусту.

— Зачем?

— Самолет буду строить...

Видя, что бабушка не очень верит, Витя вынул из кармана потрепанный листок из какого-то довоенного журнала. На нем был чертеж. Внук с горячностью стал

объяснять, что этот вид планеров прост в изготовлении и главное — хорошо летает.

Бабушка, предвидя новые хлопоты, проворчала:

— И где ты его только взял?..

— Один старшеклассник дал... на время. А где Шурик?

— Скоро должен из школы прийти.

Мимо окна пробежал с сумкой Шурик. Витя выбежал в сенцы, и они о чем-то зашептались. Бабушка услыхала слово «планер».

— Пообедали бы! — крикнула она.

Но ребята промчались мимо окон в сторону дома Самохваловых. Идея построить планер Вите Самохвалову тоже понравилась. Стали думать, где можно раздобыть материалы. С нитками было трудно, но, может, бабушка даст? И папиросной бумаги уж точно не достать...

— Вместо нитки пойдет шпагат, которым отец чинит валенки, — сказал Шурик.

— А бумагу я попрошу маму принести. Она возьмет у знакомых продавцов. Тонкая оберточная бумага подойдет лучше, чем газета, — заметил Витя.

— А я возьму у отца рейки, у него и рубанок есть, — сообщил Витя Самохвалов.

— Пропеллер не обязательно делать деревянным, его легче вырезать из консервной банки, — предложил Шурик. — Гвоздь для крючка я тоже найду. А вот где возьмем резинку? Если вытащить из трусов, мать трепки даст. Придется в бочку воды натаскать, чтобы не рассохлась. Может, даст тогда.

На другой день после занятий ребята снова собирались во дворе, потом перешли в наш дом на кухню. Строгали, вырезали из жестяной банки пропеллер, kleили, красили. Работа кипела несколько дней. Однажды мама пришла на обед и ахнула: кухонный стол был завален бумагой, рейками. Здесь же лежала раскрытая коробка с красками, стояла баночка с kleем. Ребята сидели на полу вокруг большой, красивой модели планера. На белоснежных крыльях и хвостовом оперении алели звезды, а на фюзеляже синей краской было выведено: «Чкаловец». Мама хотела отчитать ребят за такой беспорядок в квартире, но глянула в сияющие Витины глаза и только головой покачала.

— Мамочка, ты сейчас увидишь, как наш самолет полетит!

Сын поднял модель над головой и бережно двинул с нею во двор. Ребята последовали за ним. Мама вышла в сени и прислонилась к косяку двери. Разбежавшись, Витя с силой вытолкнул модель. Раскручиваясь, резинка заставила работать пропеллер. Но, взмыв вверх, планер неожиданно «клонул» носом и камнем ринулся на землю.

Понурые ребята стояли перед бесформенной грудой реек и разорванной бумаги. Не верилось, что за какую-то минуту превратился в обломки их красавец планер. А ведь сколько труда в него было вложено! Между темных Витиных бровей пролегла складочка.

«Что же я не учел? — напряженно думал он. — Кажется, все размеры взяты такими, как в чертежах... Почему же не полетел наш «Чкаловец»?»

— Крылья надо было шире сделать, — словно угадав мысли друга, сказал один из «конструкторов», Витя Самохвалов.

— Тяжелый он у нас, наверное, получился, — высказал предположение Шурик. — Рейки надо было тоньше стругать.

— Нет, ребята, дело здесь не в рейках. Одно мы не учли — центр тяжести. — Витя вынул из кармана знакомый всем потрепанный журнальный листок. — Здесь же ясно сказано: надо правильно рассчитать центр тяжести. А нос нашего планера получился тяжелым. Вот он и «клонул».

Витя перевернулся и стал быстро чертить на обратной стороне.

— Вот сюда надо отодвинуть крылья! Вот таким образом хвост — и самолет полетит!

Витя Самохвалов безнадежно махнул рукой:

— Пойдемте лучше на речку!

— Раков ловить — и то пользы больше будет, — поддержал его Шурик.

Ребята убежали, а Витя стал разбирать разбившийся планер, оставляя то, что могло бы пригодиться для постройки новой модели.

Шли дни. Ребята прибегали смотреть на Витину работу, но задерживались недолго: не хватало терпения возиться с новой моделью.

Прошла еще неделя. И вот новый «Чкаловец», плав-

но паря в воздухе, пролетел весь двор и стал пересекать улицу.

— Лети-ит! — радостно закричал Витя.

Бабушка испуганно выскочила из избы:

— Кто летит?..

Увидев, как Витя мчался вслед за летящей белой моделью, бабушка облегченно вздохнула.

— Ах окаянный! Напугал до смерти!

Вскоре во дворе собирались ребята. Витя снова и снова запускал свой планер. Ребятня с восхищением следила за летящей моделью.

— Вить, помоги и мне сделать такой! — попросил рыжий маленький мальчик.

— И мне! И мне! — сразу раздалось со всех сторон.

Витя растерянно оглядывался, потом весело улыбнулся:

— Ладно! Приносите завтра рейки и бумагу, я вам покажу, как надо делать планеры.

Вскоре уже многие ребята запускали у себя во дворах свои модели, а малыши — разноцветных «голубей».

ПЕРВАЯ ТЕХНИКА

Под теплыми апрельскими дождями степь быстро покрывается желто-зеленым ковром. Это зацветают солнечного цвета подснежники. Дети называют их бузликами. Очищенные от коричневой чешуи сладкие луковички бузликов были лакомством для мальчишек и девчонок: сахара в те военные годы они почти не видели. Ватагами уходили они далеко в степь за бузликами. Заботливый Витя не забывал принести пригоршню сладких луковиц и мне.

В жаркие дни ребят манил своей прохладой синий Илек. Ходили слухи, что в омуте возле водокачки водятся огромные сомы. Они могли утащить в глубину даже взрослых утят. Но именно сюда приходили ребята купаться.

Лето в Казахстане сухое. Огороды у всех поливные. У нас на огороде стоял старый, списанный движок. Еще до войны отец купил его в МТС, привез и поставил на огород. Работал движок на мазуте. С помощью ремней приводил в действие насос, а последний по земляным «вадам» подавал воду на огороды. Это была пер-

вая техника, с которой брату в детстве пришлось иметь дело.

Пройдут годы, и Виктор вспомнит:

«Я вообще технику любил с детства. В младших классах ремонтировал поливные сооружения на огородах. Помогали с ребятами чинить движок, насос, привод. А нет-нет и самостоятельно доверяли провести этот ремонт. В старших классах начал читать технические книги».

Учился Витя хорошо, и мама купила ему юношеский спортивный велосипед. В то время такие велосипеды были большой редкостью, и Витя выглядел в глазах товарищей настоящим счастливцем. Но недолго длилась их зависть. Вскоре и они катались по улице на этом велосипеде. Витя всегда и всем делился с друзьями.

В заботах, как обычно, пролетало незаметно лето. После недолгой «золотой осени» наступала морозная зима. Первое удовольствие детей в эту пору — санки. Но у двух Вить, нашего и Самохвалова, санки были не совсем обычные — самодельные, с рулевым управлением. Полозьями в них служили старые «снегурки».

Каждый день, случалось даже в сильный мороз или буран, Витя отправлялся на санках за водой к колонке, стоявшей в конце улицы. Привезет ведро воды, поставит на лавку на кухне, снимет варежки и отогревает дыханием озябшие руки. Потом берет другое ведро — и снова в путь! Затем с другом Самохваловым шли к химкомбинату, где скапливались горы шлака, набрать ведерко непрогоревшего угля. Бурьян, который дедушка заготавливал на зиму, быстро прогорал в печи, и она так же быстро остывала. А от углей печь сохраняла тепло до утра. Привезут ребята ведерко шлака и сноса идут — теперь уже для Самохваловых.

Ребята во всем помогали старикам и никогда не увиливали от нелегкой работы. Носить ведра с водой было тяжело, да и не очень весело, зато физическую закалку получил Виктор в детстве отличную.

Из детских моих впечатлений навсегда врезались в память нежная забота и терпеливое внимание брата. Помню такой случай.

Был какой-то праздник. Вечером у нас собирались гости, мамины подруги. Витя куда-то ушел с другом, а я играла на кухне. Бабушка готовила угощение на стол, ей было не до меня. Тряпичная кукла, глиняная

утка с разбитым носом и самодельный красный мяч, который дедушка скатал из линялой шерсти коровы, мне уже изрядно надоели. А на кухне было много неизвестных интересных вещей. Мое внимание привлекла связка красного перца, висевшая над столом. Я встала на табурет, дотянулась до связки и оторвала один перец. Покрутила его в руках, рассмотрела, но и это занятие мне скоро надоело. Захотелось спать, и я, зевая, стала кулачками тереть глаза. Тут же почувствовала резкое жжение, словно кто-то бросил в глаза горсть песку. От боли я заплакала и с еще большим усердием стала тереть их. Боль усилилась. На мое счастье, на кухню зашли Шурик и Витя.

— Что с тобой? — бросился ко мне брат, испуганно отрывая мои руки от красного заплаканного лица.

— Да она, наверное, глаза перцем натерла, — догадался Шурик.

Витя мигом подвел меня к ведру с водой, умыл, вытер лицо полотенцем, ласково приговаривая:

— Не плачь, Галочка, не надо, я тебе сказку расскажу.

Посадил меня рядом с собой на бабушкину кровать, обнял и стал рассказывать сказку. Сказка была знакомая — про курочку Рябу. Сначала я слушала невнимательно, мне по-прежнему хотелось плакать от резкой боли в глазах, но брат рассказывал интересно, и я сдерживала себя, только всхлипывала. Мне стало жаль, что сказка быстро кончилась, и я попросила брата:

— Вить, расскажи мне еще одну сказку.

— Хорошо, только ты больше не будешь плакать?

— Не буду...

Из комнаты, где сидели гости, послышалась песня. Голос был чистый и высокий. Пела мама. Несколько голосов сразу подхватили песню:

Он шел в бой так гордо и отважно,
Он не знал преграды на пути
И не думал здесь, под Старой Руссой,
Смерть себе внезапную найти.

Я знала, когда мама поет эту песню, у нее по щекам катятся слезы. Мне опять захотелось плакать. Но пережитые волнения утомили меня, и я уснула у брата на руках,

* * *

Война приближалась к концу.

Услышав по радио об очередной победе Красной Армии, Витя бежал к Самохваловым. Друзья забирались на крышу сарая и веселым пронзительным систом поднимали в небо легкую стаю сизокрылых турманов. Ребята ликовали. Это был их салют очередному освобожденному городу.

Однажды майским солнечным утром к нам прибежал Витя Самохвалов. На его бледном от волнения лице отчетливо проступили коричневые точки веснушек. Еще с порога он крикнул:

— Витя, победа! Война кончилась!..

Брат стремительно поднялся из-за стола:

— Правда?! Откуда ты узнал?

— Честное пионерское! Сам сейчас по радио слышал... Бежим скорее голубей пускать!

Победа!.. Я помню, в этот день мама и бабушка плакали. Наши соседи ждали возвращения с войны отца, мужа или брата. Нам война не оставила такой надежды. Но сердце не хотело мириться с утратой. Всю войну мама надеялась, что отец вернется, пусть раненый, пусть инвалидом. Может, он, выходя из окружения, попал в партизанский отряд. Мало ли что на войне бывает! Случалось, что и другим приходили похоронки, а боец оказывался живым. И каждый день мама ждала от отца весточки.

Но вот и война кончилась. И мама, наконец, убедилась, что извещение о гибели отца — суровая правда.

*И напрасно утверждают,
Что земля давно обжита:
Самых смелых ожидают
Настоящие открытия.*

Н. ОЛЕВ

НА БАЛТИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Спустя год после войны мы переехали в семью отчима Ивана Ивановича Волкова в село Кос-Истек (ныне село Ленинское). Работал он директором МТС. После смерти жены остался с четырьмя детьми.

Дом наш стоял на обрывистом берегу реки. А рядом через поле возвышались отроги Мугоджарских гор. Зимой они оглашались детскими голосами. С крутых склонов бесстрашно неслись лыжники, высоко взлетая с трамплина.

Старшие братья: Витя, Анатолий и Геннадий — тоже любили кататься на лыжах. А малышня, в том числе и мы с сестрой Эммой, неслась с вышины на самодельных ледянках, которые делал для нас младший брат Гена.

Летом братья часто ходили на речку. Перетаскали из дома все вилки: ловили ими маленьких налимов под замшелыми камнями на перекате.

В Кос-Истеке, в школе-четырехлетке, мы, младшие дети, начали свое образование. Старшие братья: Владимир, Виктор и Анатолий учились в Актюбинске в железнодорожной средней школе № 45 (впоследствии на этом месте была построена школа № 469). Виктор здесь окончил седьмой и восьмой классы. Жили братья в интернате при школе.

— А знаешь, мама, это Казахстан заложил в нас здоровье, — много позже, готовясь к космическому полету, заметил Виктор.

В сентябре 1948 года, уступая настойчивым просьбам родственников, семья наша переехала в город Нестеров Калининградской области. Все здесь было необычно: теплая сырья зима, зеленая трава в январе под тонким снежным покровом. Чистый, вымощенный веерообразной брусчаткой городок с красными черепичными крышами домов.

Нестеров сильно пострадал во время войны. Прохожих пугали черные проемы разбитых зданий. Весной и осенью во время сильных ветров стены зданий руши-

лись, и тогда по улице разносился гул, напоминающий грохот канонады.

Смертоносная война не дошла до Казахстана. Но грозное дыхание ее мы почувствовали здесь, на калининградской земле. Ведь всего три года прошло с того времени. Казалось, что земля еще не остыла от разрывов бомб и снарядов. Позднее, из уроков истории и рассказов очевидцев, мы узнали, какие жестокие бои ураганом пронеслись на этой балтийской земле. Нашим частям 3-го и 2-го Белорусского фронтов преградила путь сильная немецкая оборона. Шаг за шагом, селение за селением наши войска освобождали Восточную Пруссию, ломая сопротивление врага. Согласованными ударами они отрезали восточно-прусскую группировку противника от его основных сил и прижали к морю.

Фашисты отчаянно сопротивлялись в своем бетонированном логове — Кенигсберге. Город пал только 10 апреля 1945 года — за месяц до окончания войны.

Отгромели бои, и на освобожденной земле люди приступили к мирному труду. Но война оставила свои страшные автографы — неразорвавшиеся мины. Эти ржавые куски смерти были рассеяны повсюду: в садах, на лугу, куда хозяинки каждое утро выгоняли коров, в развалинах возле жилых домов, в лесу, где люди разбирали блиндажи на топку. Когда братья на повозке отправлялись в лес, чтобы помочь родителям заготовить на зиму дрова, у мамы щемило сердце от страха за них. Она чутко прислушивалась: не послышится ли отдаленный взрыв? И только тогда успокаивалась, когда видела возвращающихся сыновей, усталых, но веселых.

Отчима поставили на должность начальника сберкассы. Мама устроилась продавцом в хлебный магазин. На втором этаже этого же здания разместилась наша семья в небольшой двухкомнатной квартире.

В школе начались занятия. С опозданием, лишь 20 сентября, приступили к ним и мы.

Нам понравилась школа, ее светлые классы, широкие лестницы, над ними в неглубоких овальных нишах рука художника запечатлела эпизоды из жизни пионерии.

В те послевоенные годы учиться было нелегко. Уроки дома готовили при керосиновой лампе. Не хватало

тетрадей, учебник был один на троих, и Виктору приходилось ходить заниматься к товарищам.

У обоих братьев — Виктора и Анатолия — проявлялись схожие интересы: оба увлекались музыкой и рисованием. Часто рисунки свои они отдавали нам с сестрой. Подражая братьям, увлекались рисованием и мы.

Рисунки Виктора можно было обнаружить везде: на тетрадном листке, вложенном в книгу, на розовой промокашке, на полях черновиков. Вот краснозвездный «ястребок» трассой пуль поджег немецкий самолет. Тот падает, оставляя за собой шлейф черного дыма. Вот стоит средневековый рыцарь в доспехах, опираясь на меч. А вот мчится по сугробам лыжник, заарканив медведя. А на этом листке сражаются на рапирах два фехтовальщика в масках. Я поражалась четкости и смелости линий, верности рисунка.

В отличие от Анатолия Виктор не писал картин, не хранил даже своих рисунков. Но любовь к изобразительному искусству осталась на всю жизнь, с годами усиливаясь, превратилась в духовную потребность, расширила представления брата о мире прекрасного. Произведения искусства дополняли впечатления от природы, которую Виктор особенно любил и тонко чувствовал. Распространяться о своих чувствах брат не любил. Но тот факт, что, став взрослым, он посетил многие картинные галереи и музеи в Москве и Пензе, Курске и Ростове, свидетельствует, что интересы Виктора никогда не были поверхностными.

Находясь в отряде космонавтов, он водит товарищей по старинной части одного нашего восточного города и рассказывает об архитектурных особенностях древних мечетей и храмов. И друзья поражаются глубине и разносторонности его познаний.

* * *

Глубокой осенью наша семья переехала в полуразрушенный дом на Ленинградской улице. Было холодно. Отогревались около раскаленной доскрасна железной печурки. Пришлось приложить всем много сил, пока сырья и грязная квартира стала пригодной для жилья.

У Виктора и Анатолия теперь была отдельная небольшая чердачная комната. В этой комнате разместились две железные узкие кровати, самодельный стол,

старенькие стулья. Зимой в комнате до дна промерзали чернила, а вода в ведре покрывалась крепкой коркой льда. Но все неприятности братья умели переносить весело. Когда бы ни зашел к ним, всегда услышишь шутки и смех.

На плите стоял патефон, а рядом — горка пластинок. К Виктору часто приходили школьные товарищи. Особенно хорошо запомнились мне двое: Николай Роменков и Володя Новиков. Николай был высок, круглолиц, улыбчив, ходил в военной гимнастерке. Володя напротив — худощавый и всегда серьезный. Спустя двадцать с лишним лет Николай подробно рассказал о школьных годах Виктора.

— Прозвенел звонок, и наш классный руководитель Анна Яковлевна Бурцева вошла в класс с высоким вихрастым пареньком в синей вельветовой куртке, представила его нам:

«Вот, ребята, наш новый ученик — Витя Пацаев».

Виктор дружески улыбался.

В левом ряду на трех задних партах сидели Коля Галкин и Володя Новиков, Боря Бардеев и Анатолий Нестеров, а на самой задней — я. Мы пригласили Виктора, и он оказался за одной партой со мной. Держался он просто, словно давно всех знал. Прозвенел звонок с урока, но перемена оказалась короткой для знакомства. Договорились встретиться вечером у Николая Галкина в саду. У меня уже сложилось первое впечатление о Викторе: прост, прям, начитан. Беседы с ним надолго запоминались.

Сам Виктор так вспоминает о школьных годах:

«Учился до старших классов нормально, по всем предметам ровно. Сохранились даже похвальные грамоты. А вот в старших классах стал избирательно подходить к наукам. Заинтересовали математика, физика, астрономия. Полюбил черчение. Наверное, это и определило то, что я стал инженером. Помню, как мы с ребятами из набора линз сделали какое-то подобие телескопа. Получилось. Правда, примитивный телескоп вышел, но мы были рады: звезды к нам вроде стали ближе».

Никто не видел Виктора унывающим. Всегда он был полон энергии, выдумки и находчивости. В трудную минуту мог поддержать и делом, и словом.

Здесь, в Нестерове, в 1948 году Виктор вступил в

комсомол. В то время Роменков был секретарем комитета комсомола школы.

— Виктору не приходилось давать поручений, — вспоминает Николай, — он их искал сам. Но самой главной его помощью я считал деловой, дружеский, полный прямоты совет мне как комсомольскому секретарю. Такой совет мог дать только он. Бывало и поспорим, но решение найдем. Так что «секретарскую должность» делили пополам. Да, это был с большой буквы товарищ».

Решил комитет комсомола школы провести соревнования по стрельбе. Кому поручить?

«О чём задумались, ребята? — спрашивал Виктор. — Я родился стрелком и организатором».

Поручили ему. Соревнование прошло успешно, а Виктор из ста возможных выбил восемьдесят шесть очков, выполнив норму третьего разряда.

«Ну что? Чем я не стрелок?» — шутил он.

На очередном заседании комитета комсомола ребята утвердили Виктора председателем совета физкультуры школы. Базы никакой, кроме разрушенного снарядом спортивного зала. Виктор собрал на совет ребят из старших классов. Спортивный инвентарь решили извлечь из-под развалин немецкой школы. Просторная, с высокими колоннами, окруженная тенистыми деревьями, она до войны предназначалась для сыновей состоятельных бургевров, но во время боев была сильно разрушена. Здесь, очевидно, была хорошая спортивная база. Об этом говорили два спортивных павильона, ребята откопали из-под развалин и перенесли в свою школу кольца, гимнастические брусья, «коня», матрацы и лыжи. Спортивный зал нашей школы наконец отремонтировали. Виктор с энтузиазмом взялся за организацию спортивных кружков, сам становится активным участником почти каждого из них, а в стрелковом и баскетбольном — руководителем. Мечтал он о кружке фехтования, но не было руководителя. А однажды он предложил за двадцать минут до начала занятий проводить физзарядку всех учащихся.

— Кто будет проводить и как? — спросили члены комитета.

У Виктора уже готов план.

Ученики выстраивались во дворе. Виктору рапортова-

вали по классам, а он докладывал директору школы. Хорошая личная спортивная подготовка Виктора дисциплинировала ребят, и занятия проходили активно.

ЗВЕЗДЫ СТАЛИ БЛИЖЕ

Как-то поздней осенью Виктор и Николай Роменковы возвращались из кинотеатра. Было около десяти часов вечера. Погода стояла холодная, но ясная, небо — все в звездах. Дорогой они обсуждали фильм. Когда дошли до площади, Виктор неожиданно предложил Николаю:

— Пойдем посмотрим на звезды...

Николай согласился. В школе ребят встретила необычная тишина. Уборщица хорошо их знала, поэтому ничего не сказала по поводу позднего визита.

Друзья поднялись на третий этаж, в комитет физкультуры. Помещался он в комнате чердачного типа, окно выходило на покатую черепичную крышу второго этажа. Зажгли свет, и тут Николай увидел у окна сооружение на треноге. Труба длиной пятьдесят-шестьдесят сантиметров поворачивалась вокруг оси, вниз и вверх.

Виктор пододвинул устройство вплотную к распахнутому окну, долго настраивал телескоп, потом сказал:

— Любуйся, старик, небесными светилами, — и уступил товарищу место.

Минут пятнадцать вертел Николай трубу и восхищался открывшимся зрелищем: телескоп здорово увеличивал яркость звезд. Потом он с удивлением окинул взглядом комнату, словно увидел ее впервые. На стенах висели чертежи, на них были изображены небесные тела. На подоконнике лежали три-четыре книги, среди них был совсем новый школьный учебник астрономии и журнал «Беседа со звездами», который Николай уже видел в комнате Виктора.

Позднее в школе появился настоящий учебный телескоп. Заведующий районным отделом народного образования Павел Константинович Савин обнаружил его в методическом кабинете рено и распорядился передать в Нестеровскую школу, в то время единственную среднюю школу во всем районе. На уроках астрономии ребята знакомились с устройством телескопа. Но Нико-

лаю больше всего запомнился тот самодельный телескоп, который он видел в комнате комитета физкультуры.

Кончался для Виктора первый учебный год в новой школе. Вот экзамены сданы. Прощай, девятый класс! Лето зовет в дорогу свежей прохладой лесов, прозрачной водой озер.

В начале июля Виктор и Николай отправились поохотиться. Взяли с собой ружье и мелкокалиберную винтовку. Проехали на попутной машине километров двадцать и сошли. Тропинка привела их к красивому озеру, вокруг которого росли высокие сосны. Казалось, что они доставали до самых небес.

Виктор вручил Николаю нож.

— Нарежь лозы да побольше! — а сам пошел искать место для костра.

Вскоре Николай принес ему целую охапку лозы и с интересом наблюдал, как ловкими движениями Виктор стал плести корзину, которую рыбаки называют «мордой». Через полчаса корзина была готова. Ребята вошли в речушку, впадающую в озеро. Мимо бесшумно скользили в воде рыбки. Николай стал бить по воде шестом, а Виктор держал корзину. Сделали два захода. А вскоре над костром закипела уха. Ребята с аппетитом ели ее прямо из котелка.

Поужинав, друзья поудобней расположились у костра. Глядя на причудливую игру огня, на таинственные колышущиеся тени наступающей ночи, Виктор задумался. Тихо покачивались и шумели вершинами сосны. Николай блаженно растянулся на земле и, глядя в ясное звездное небо, спросил:

— Вить, как ты думаешь: есть жизнь на других планетах?

— Пока неизвестно, — не сразу ответил Виктор и глубоко вздохнул. — Но скоро, думаю, наступит время, когда мы будем знать, что представляет собою каждая звезда. Вот видишь — самая яркая? Это планета Венера. И на ней, может, уже существуют какие-то формы жизни... — Виктор прутиком пошевелил догорающий костер. Вверх полетели светлые искры. — Я люблю исследовать... Так бы и прошел земной шар, открыл бы все неизведанное на земле, а потом и во вселенной. А для этого, ох, как много надо знать!.. А мы еще так мало знаем и ничего не сделали... Недавно я прочитал

«Грезы о земле и небе» Циолковского. Представь, что мы с тобой сконструировали летательный аппарат и с огромной скоростью, чтобы преодолеть земное притяжение, оторвались. Мимо нас мелькают звезды... Вот мы пролетели поперек Млечного Пути. Он удаляется от нас, наконец превратился в туманное пятнышко. А вокруг много таких туманных пятнышек. Но мы их миновали. Вокруг полнейший мрак... Как ты думаешь: это конец всему, пределы мира?!

Николай пожал плечами:

— Наверное...

— Ничего подобного!.. Летим мы дальше, и вот из мрака выступает новая кампания таких же пятнышек... Мир без конца и края...

Николай слушал Виктора, и ему казалось, что он путешествует с ним по вселенной. Вдруг где-то в глубине леса послышались хрюканье и пронзительный визг. Ребята вскочили.

— Кабаны!.. — тревожно сказал Николай. — Наверное, целое стадо.

— На сосну с ружьем! — спокойно скомандовал Виктор.

В считанные секунды друзья оказались на одной сосне. Кабаны промчались мимо. «Охотники» просидели на сучьях несколько долгих минут, потом спустились на землю, подбросили в костер сухих веток и тогда только расхохотались. Эхо усиливало звуки, и казалось, что хохочет лес. Николай неожиданно заявил:

— А я ничуть не испугался.

Виктор с усмешкой посмотрел на него и предложил:

— А ну попробуй еще раз залезть на ту сосну, на которую ты так быстро взобрался.

У Николая ничего не получилось, у Виктора тоже. Долго потом этот случай был темой добродушных подначек друзей.

Виктор был страстным охотником. Но привлекал его не конечный результат, а поиск, спортивный азарт. На охоту он ходил не один, а с товарищами. Стрелял хорошо и всегда был с добычей.

После охоты ребята собирались у костра. Обычно сдержаненный на слова, Виктор становился неистощимым в забавных историях, охотничих рассказах и анекдотах, которых он знал великое множество... Добыча делилась поровну, и довольные охотники возвращались по домам.

В СЕЛО С КОНЦЕРТОМ

В десятом классе в начале нового учебного года в школе по инициативе комитета комсомола был организован кружок художественной самодеятельности. Самым активным участником его стал и Виктор.

Выступали на школьных вечерах, выезжали в колхозы и совхозы района. Программа концерта обычно строилась из небольших одноактных пьес, танцев и нескольких хоровых и сольных песен. Ребята сами проводили репетиции. За консультациями обращались к директору районного Дома культуры Костиной. Она помогала составлять репертуар для агитбригады. Навыки актерской игры ребята также получали в Доме культуры на занятиях драматического кружка. С участием десятиклассников были поставлены спектакли: «Платон Кречет», «Медведь», «Шельменко-денщик». В «Платоне Кречете» Виктор сыграл Аркадия, в «Медведе» — слугу.

Вырученные от спектаклей деньги шли на приобретение спортивного инвентаря для школы. В селах же кружковцы давали концерты бесплатно. Транспорта в школе не было, автобусы в то время не ходили, поэтому до ближайших хозяйств района «артисты» добирались пешком или на попутных машинах.

Обычно выступление начиналось с лекции. Темы разрабатывались лекторской группой райкома комсомола во главе с секретарем Хорошавиной. Чаще всего с лекциями выступал Николай Роменков как член райкома комсомола. Помогал ему и Виктор. Однажды он подготовил лекцию на тему «О дружбе, товариществе и любви».

Выступали в отделении колхоза «Дружба». В отличие от клубов в других хозяйствах здесь была сцена. И как только в селе узнали о приезде агитбригады, маленький сельский клуб до отказа наполнился народом. (Телевизоров тогда не было.)

Мальчишки облепили сцену и во все глаза следили за приготовлениями «артистов». Но вот раздвинулся занавес, и Виктор, почти не заглядывая в конспект, повел со слушателями разговор о том, как помогала крепкая дружба бойцам на фронте, какой чистой и высокой должна быть любовь. Первое волнение прошло, и он почувствовал, что слушают его с интересом.

В зале стояла глубокая тишина. И когда Виктор кончил свою лекцию и со смущенной улыбкой глянул в зал, раздались дружные аплодисменты.

Начался концерт. Особенным успехом у слушателей пользовалась песня Константина Листова на стихи Алексея Суркова «Землянка». Память о войне была свежа, словно незажившая рана. Светлой грустью повеяло с первого же куплета:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Виктор любил лирические песни, а эту особенно: она напоминала ему погибшего отца...

— А сейчас вы увидите сценку из бессмертной комедии Николая Васильевича Гоголя «Ревизор», — объявил ведущий. — Роль Хлестакова исполняет ученик десятого класса Виктор Пацаев.

Виктор предпочитал играть положительные роли. Даже в этом сказывалась бескомпромиссность его натуры, внутренняя цельность и чистота. Но роль Хлестакова увлекла его своей комедийностью и тонкостью психологических переходов. И надо сказать, роль эта всегда ему удавалась.

На сцене Виктор не танцевал. С задорными русскими и украинскими плясками выступали Николай Роменков, Лида Афанасьева и Валя Клюкина. Но после концерта Виктор с удовольствием танцевал с девушками в зале. Благодаря общительности, простоте и безобидному юмору он быстро находил общий язык с сельскими ребятами и девчатами.

Но пора и домой.

— Как в город будем добираться? — спросил кто-то из «артистов».

— Как обычно — пешком, — ответил Николай Роменков. — Если повезет — доедем на попутке.

Агитбригадовцы весело, с шутками высыпали из клуба. В руках узлы с костюмами, баян, нехитрые декорации. К Роменкову подошел мальчик в больших, видно с чужой ноги, подшитых сапогах. Шапка-ушанка опустилась на глаза. Он приподнял ее и сказал:

— Дяденька! Управляющий вам сейчас подводу пришлет!

— Ура! Едем! Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, — пошутил кто-то из ребят.

«НАСТОЯЩИЙ ТОВАРИЩ»

Несмотря на то, что общественная работа отнимала у ребят много времени, на уроки Виктор приходил всегда подготовленным: занимался дома до поздней ночи. По литературе читал не только то, что требовалось по учебной программе. Он был постоянным читателем школьной и городской библиотек.

В это время он увлекался ранними романтическими произведениями Максима Горького. Нравились ему «Овод» Этель Лилиан Войнич, «Отверженные» и «Собор Парижской богоматери» Виктора Гюго, «Петр I» Алексея Толстого, повести Александра Куприна и рассказы Джека Лондона.

Домашние задания Виктор обычно делал с товарищами. Собирались у нас или у Мезенцева. После приготовления уроков заводили патефон. Пластиночка у нас было много. И всегда Виктор, улыбаясь, первой ставил «Шагай вперед, мой караван». Возможно, он представлял в эти минуты бредущий по степи караван величественных и спокойных верблюдов, погоняемых седоками. Куда они идут? Как далека их дорога!.. Вите хотелось отправиться вместе с караваном в дальние, незнакомые страны...

Нравились Виктору песни «Утомленное солнце» и «Осенний вальс». Все подпевали старенькому патефону.

Вечерами ребята играли в волейбол на спортивной площадке у Дома культуры. Виктор быстро сколачивал команду, и игра начиналась.

В десятом классе ребята начали посещать в Доме культуры вечера танцев.

Была ли у Виктора любовь в это время? Николай однажды спросил его об этом. Виктор очень серьезно ответил:

— Знаешь, Коля, не хочу размениваться по мелочам, не встретил еще никого, кто бы волновал меня. — И добавил: — А знаешь, хочется, ох, как хочется по-

любить по-настоящему, но не так, как в романах, — лучше! И такую, чтобы она была умницей, чтобы свелилась в энергии, чтобы мои и ее плюсы и минусы создавали одно целое; полюбить так, чтобы это было на всегда.

В любви Виктор искал содержание, чистоту, и, по свидетельству Роменкова, девушки уважали его за это.

— И вообще, — вспоминает Николай, — Виктор был добрым. Доброта эта была какая-то особенная, неподдельная. Она проявлялась во всем. Как-то осенью на охоте увидел он меня в туфлях и без носков. Снял у костра свои сапоги, протянул носки мне:

«На, погрейся!»

Сам ноги в портнянках сунул в сапоги, и охота наша продолжалась.

Проявлял он свою заботу так, чтобы не обидеть человека. Если я появлялся у Виктора во время обеда, он тащил меня к столу, и тут никакие отказы на него не действовали, и странное дело, я не испытывал неловкости.

Дружить с Виктором было легко. Он был уравновешенным, никогда не «взрывался». Всегда, даже, если бывал не согласен с собеседником, дослушает его до конца, а потом спокойно выскажет свое мнение. Кругозор у него был шире, чем у сверстников, но он этим не кичился и не старался выделяться среди товарищей. Мы ценили его за уравновешенность и рассудительность, уважали за находчивость и упорство, любили за доброту, за то, что он был верным другом и товарищем. Случалось так, что скорились его друзья. Он старался сгладить наметившиеся разногласия. Переживал, волновался...

Меньше всего Виктор заботился о костюмах. Его вполне устраивала синяя вельветовая куртка и простые брюки. Послевоенное время было трудное. Он сознавал, что семье было нелегко, и никогда не требовал от родителей обновы.

Я же был постарше и часто испытывал чувство неловкости из-за того, что одет был в перешитую неумелой рукой матери поношенную отцовскую гимнастерку и такие же брюки. Однажды один наш одноклассник как-то съязвил по поводу моего одеяния, назвав меня «оборванцем». От обиды я не знал, что ответить,

Виктор мгновенно покраснел, но быстро овладел собой и твердо и в то же время спокойно, ответил: «Встречают по одежде, а провожают по уму...»

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИК

Ранней весной к прилету птиц старшие братья сделали скворечники. Один птичий домик повесили на огромной липе через дорогу, другой — под березой на углу дома рядом со своим окном.

Чудом проросло среди цемента и красных кирпичей семечко бересклета. Весной побег покрывался нежными листочками. И мы эту бересклету не ломали, хотя она грозила со временем разрушить угол здания. Было в ней что-то символическое. Так настойчиво пробивалась повсюду на развалинах войны жизнь.

Внизу под окнами мама с братьями разбила большую клумбу цветов. Ярко рдели пионы. Внимание прохожих привлекал роскошный куст розы. Но общей радостью был сад. Он раскинулся через дорогу от дома. Сады были у многих жителей. Весною в белом прибое садов купался весь городок. А вблизи от города — чудесные корабельные леса с чистыми озерами и алой земляникой на опушках.

Виктору нравился Нестеров, прибалтийская природа, но все-таки он скучал о степном казахстанском приволье...

Летом мы вволю ели яблоки, груши, сливы, черешню. Особенно хорош был рассыпчатый белый налив. В лунные августовские ночи в саду часто раздавался шлепок: это падали на землю переспевшие яблоки...

Жили мы дружно, вместе делили радости и печали.

Неожидано тяжело заболела мама. Жизнь ее оказалась в опасности. Но опытный и чуткий врач Черняховской больницы Ольга Леонтьевна Шор спасла ее. Три месяца мама пролежала в больнице. К первомайскому празднику отчим привез ее домой. Радости нашей не было границ. Мы выводили маму под руки в сад, заботились о ней, как могли. Но на одной зарплате отчима нашей большой семье жить было трудно, и вскоре после возвращения домой мама, опираясь на палочку, пошла на работу. Ее назначили заведующей раймагом. Магазин был смешанный. Здесь продавались

обувь, хозяйственные товары, ткани. Работать в таком магазине было нелегко. Мы каждый день прибегали к маме после школьных занятий, чтобы чем-нибудь помочь. Стоя за прилавком, охотно подавали покупателям товары. Витя и Толя подносили тяжелые тюки материала, помогали разгружать машины с поступившим товаром. Если отец задерживался на работе, провожали маму домой. Но стоять за прилавком Виктор стеснялся.

В разбитом доме около нашего сада братья расчистили комнату и покрыли ее сверху толем. В ней летом и спали. Смотришь — утром выбегут и подтягиваются на турнике, который сами же соорудили. А в конце сада росли темно-зеленые ели и густой вишненник. В этом уютном уголке ребята подвесили гамак. Здесь они готовились к экзаменам.

Надо сказать, что Виктор экзамены сдавал не напрягаясь. Он ровно занимался в году, не запускал материал и устраивал «авралы» с бессонными ночами ему не приходилось.

Мы всегда с большим желанием посещали уроки истории. Этот предмет вела Александра Павловна Бондарева (Павленко), впоследствии директор школы. Эрудированная, обаятельная, она могла увлечь своим рассказом класс. Мы забывали о звонке. Учить историю дома доставляло удовольствие. Мы добросовестно заучивали на память длинный список дат известных исторических событий. Половина класса на ее уроках отвечала на «отлично».

Павел Константинович Савин, преподаватель русского языка и литературы, был несколько суровым. Я побаивалась холодноватого блеска его очков. И каким же отзывчивым оказался этот человек, когда я обратилась к нему с просьбой помочь найти мне учителей и товарищей Виктора! Он помог мне разыскать Александру Павловну Бондареву, дал адрес Николая Роменкова.

О Викторе Павел Константинович отзывался так: «Невелик был десятый класс. Из четырнадцати учащихся Виктор обращал на себя внимание серьезностью, спокойной сосредоточенностью. Негромкая и небыстротръдная речь его во время устных ответов отличалась рассудительностью. На все у него было собственное мнение. Сочинения писал содержательно и грамотно, полно раскрывал тему.

В конце года, возвращая ученикам классные и домашние сочинения, Павел Константинович обычно приговаривал: «В будущий ваш семейный архив». Не знал учитель, что когда-нибудь остро пожалеет о том, что не сохранил сочинений Виктора Пацаева.

Черчение вела у нас пожилая учительница Валентина Михайловна. У нее был пониженный слух. И когда она старательно выводила на доске образцы шрифтов, некоторые ребята, крадучись вдоль стены, выскользывали с портфелем за дверь. Дисциплины на уроках черчения не было. Ребята перебрасывались бумажками, разговаривали в полный голос. И тем не менее черчением занималась я старательно. Примером мне был Виктор. На его чертежах, выполненных очень чисто и четко, я всегда видела написанное красными чернилами «отлично». Некоторые ребята подшучивали над Витей: очень, мол, сознательный! Но, видя, как Витя невозмутимо продолжает чертить, не обращая внимания на их выпады, постепенно начинали уважать его самостоятельность и выдержанку.

— Во время переводов с немецкого, — рассказывает Галина Валентиновна Кубарева (теперь Долгова), — чувствовалась начитанность Виктора, его глубокие знания по другим предметам, в частности по истории и географии. Привлекала в нем скромность, переходящая в застенчивость, и аккуратность во всем: в одежде, в отношении к своим тетрадям, учебникам.

Городская газета в том 1950 году поместила на своих страницах заметку о будущих профессиях первых выпускников школы. Виктор принес газету домой и прочел заметку вслух. Мы были рады, что в ней было написано и о Викторе.

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ

Вот и настал этот радостный день, когда выпускники получили путевки в самостоятельную жизнь — новенькие, нарядные аттестаты зрелости. После торжественного собрания вместе с родителями прошли в актовый зал на третьем этаже вчерашние ученики. Здесь гостей ждали накрытые столы. Не беда, что вместо ярких люстр зал освещали керосиновые лампы! Настроение было приподнятое. Всюду слышались шутки, взрывы смеха. За столом после первых тостов вспоминали смеш-

ные эпизоды из школьной жизни. Кто-то предложил спеть «Школьный вальс». И молодые учителя, и бывшие школьники пели вместе. Потом начались танцы. Был уже поздний час, стали расходиться...

— Идем попрощаемся со своим классом, — предложил Виктор Володе Новикову. Тот согласно кивнул.

С какой-то щемящей сердце грустью ребята переступили порог своего небольшого класса. Здесь было необычно тихо и темно. Виктор распахнул окно. Комнату заполнил густой медовый запах цветущих лип. Сели за парту. Она показалась им маленькой и тесной. Каждая царапина на ней была им знакома. Володя открыл крышку.

— Интересно, кто теперь будет сидеть за нашей партой? — высказал он свою мысль вслух.

— Тот, кто будет здесь сидеть, еще долго, как и мы, будет ломать голову над задачками, зубрить формулы по химии, — ответил Виктор. — А вот что день грядущий нам готовит? Заглянуть бы в него...

Мысли каждого невольно устремились в будущее. Было и тревожно от неизвестности, и радостно оттого, что они у порога своей мечты.

— Чем тебя привлекла работа геолога? — первым нарушил молчание Володя.

Он знал, что друг мечтал стать геологом.

Виктор на минуту задумался, потом сказал:

— Понимаешь... человек, который не знает даже основ геологии, подобен слепому. Он видит лишь огромные камни, пески. А что это за породы, как образовались? По-моему, каждый человек должен смотреть открытыми глазами на окружающую природу и знать историю ее развития.

В Казахстане я не раз встречался с изыскателями. Мне нравится их трудная, романтичная профессия. Живут они в палатках, вечера коротают у костра... У них постоянно есть возможность охотиться и, конечно, сделять какое-нибудь открытие. Я уже послал запрос в Свердловский горный институт, мне пришел положительный ответ. На время сдачи экзаменов там предстают общежитие...

— В этот институт, наверное, трудно будет поступить.

— Трудно?.. Я так думаю: поставь перед собой цель и обязательно добивайся ее.

— Ну что ж! Желаю удачи! — Володя крепко пожал Виктору руку.

— А ты когда едешь в свой Куйбышевский авиационный? — спросил Виктор.

— Через три дня.

— Поедем вместе! Нам до Москвы по пути... Так и решили.

Из Нестерова выехали втроем.

К родным в Челябинск ехала попутчицей еще и девятиклассница Лиза Афанасьева. В Москву прибыли без особых приключений. В столице перебрались с Белорусского вокзала на Казанский, это был самый многолюдный вокзал. Билеты достать было трудно. Заботой ребят стало купить билет Лиде до Челябинска.

Затем добывали билет Володе до Куйбышева, а Виктору — до Свердловска. Но сделать это сразу не удалось, и пришлось заночевать на вокзале. Виктор пристроился на подоконнике, а Володя, расстелив газету, лег на полу под скамейкой.

На следующий день Володя уехал в Куйбышев, а Виктор еще оставался в Москве. Он решил подать документы в Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе на факультет аэрофотосъемки. Что может быть интереснее — изучать землю с высоты! Земля, небо, звезды... Это как раз то, о чем Виктор мечтал.

Домой он пишет письма, полные оптимизма, сообщает, что на время сдачи экзаменов абитуриентам предоставили прекрасное общежитие...

В то время сдавали большое количество приемных экзаменов. Все восемь предметов Виктор сдает успешно, но не набирает положенного количества баллов.

Хорошо сдавшим вступительные экзамены предложили перевестись в Пензенский индустриальный институт. Виктор остро переживал неудачу. Но обременять родителей он не хотел и решил поехать в Пензу.

В течение всего первого курса он не расставался с мечтой — снова перевестись в Московский геологоразведочный. Но в Пензенском индустриальном институте на факультете точной механики по приказу Министерства высшего образования открылось новое отделение — счетно-аналитических машин, и планы Виктора переменились.

В это время электронно-вычислительные машины

только начинали прокладывать себе путь в науке и технике. Виктора заинтересовали эти умные машины, умеющие переводить тексты с иностранного языка, играть в шахматы, управлять процессами производства и даже погодой. Он подал в деканат заявление о зачислении его на новое отделение. Желающих было очень много, а счастливцев оказалось мало. Среди них был и Виктор. Прошли первые месяцы занятий, и будущая профессия инженера точных приборов окончательно ему понравилась.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

В первые дни занятий в институте быстро и непринужденно состоялось знакомство Виктора и Ремира Деляшкина. Они, словно братья, даже внешне были похожи: тот же открытый взгляд выразительных глаз, тот же рисунок бровей с изломом, только Виктор был высоким и стройным, Ремир — коренастым, среднего роста.

Ребята пошли искать квартиру: общежитие представлялось студентам на старших курсах. В одном доме хозяйка пускала только одного квартиранта, но ребята уговорили ее и поселились в небольшой комнате вдвоем. Спали на одной кровати. Покупали на рынке помидоры и ели с черным хлебом, на большее стипендии не хватало.

Виктор дал домой телеграмму, в которой просил родителей выслать «подкрепление». Ремир тоже рос в большой семье, но у него положение складывалось труднее, материальной помощи от родителей он не ждал. Это заставило ребят искать какой-то выход. После занятий в институте они шли на железнодорожную станцию разгружать вагоны. Впоследствии Ремир часто обращался к этому виду подспорья, а Виктор познакомился с сотрудником газеты «Молодой ленинец» Львом Григорьевичем Зефировым и стал сотрудничать в газете.

Вскоре хозяйка, у которой квартировали Виктор и Ремир, получила новую квартиру, и ребятам снова пришлось искать жилье. На этот раз они сняли комнату у Комаровых, Александры Федоровны и Павла Матвеевича. Отношения между хозяевами и квартирантами установились самые теплые, дружеские.

Как-то Виктор посетовал, что нет чертежной доски, а на столе делать чертежи неудобно. Тетя Шура, как звали ребята хозяйку, тут же полезла на чердак и привнесла большую чертежную доску.

— Вот, ребята, вам и чертежная доска. Лет шесть назад ее сделал мой брат инженер. Брат уехал, а доска с тех пор на чердаке лежала.

Ребята обрадовались такому подарку.

Как-то Виктор несколько вечеров готовил чертежи, подгоняли сроки их сдачи. В последний вечер работал до утра. Перед началом занятий решил немного поспать. Когда через час встал и глянул на стол, то с ужасом увидел на белоснежных листах ватмана с нанесенными на них чертежами фиолетовые кошачьи следы. Ну конечно, это общий любимец и баловень кот Мишка играл с чернильницей, опрокинул ее, запачкал лапы и проследовал по чертежам на подоконник. Здесь среди горшков с цветами он обычно устраивался на ночлег.

Вскоре в письме домой Виктор описал этот случай и добавил: «С тех пор я невзлюбил всех котов на свете!» Но хозяйка так и не узнала, какую беду квартирантам причинил Мишка. Чувство такта не позволило Виктору высказать ей свое неудовольствие, и Мишке по-прежнему дозволялось спать в комнате ребят.

В индустриальном институте хорошо были поставлены спорт и художественная самодеятельность. Баскетбольная команда считалась самой сильной в области. Футбол, фехтование, бокс, гимнастика, городки, хоккей — вот неполный перечень спортивных кружков, в которых занимались студенты. Они не ждали, когда для них что-то сделают, нужен был стадион — построили его своими силами. Все, начиная со студентов и кончая директором, кандидатом технических наук В. И. Артюхиным, гордились спортивными достижениями своего института. Неудивительно, что и Виктор получил здесь хорошую спортивную закалку.

В индустриальном интересно проходили и студенческие вечера. Любительский театр института имел богатые декорации, ставил классические пьесы и по авторитету не уступал областному драматическому театру. По этому поводу студенты часто шутили: «Наш институт спортивный, театральный и лишь немного индустриальный».

Как вспоминают товарищи, Виктор учился легко.

Перед экзаменами почти не занимался: шел и сдавал. Ответы его были обстоятельными, эрудированными. Но эта легкость была видимой. В течение года Виктор занимался серьезно и глубоко, был членом научного студенческого общества.

Сам он рассказывал:

— В институте увлечение техникой перестало быть дилетантским. Но и здесь не ко всем предметам относился ровно. Некоторые мне не нравились, а другие полюбились так, что преподаватели от меня отрекались: «Да куда ты лезешь? Мы на следующих лекциях все это расскажем, объясним. Подожди...»

Увлекался не только счетными машинами, а и любой автоматикой, любыми сложными системами. Считаю, что инженер не должен замыкаться в тесном кругу технических интересов, быть узким специалистом.

Со второго курса Виктор выступает с докладами на научно-технических студенческих конференциях, за что получил благодарность директора института.

На четвертом курсе, являясь членом факультетского бюро, Виктор уже отвечает за работу научного студенческого общества. Вкус к научной работе у него был особенный.

Ремир Деяшкин впоследствии скажет: «У нас были отличники, которые учились лучше Виктора — на одни пятерки. Но они трудились только на себя, общественной работой не занимались, жили отшельниками. Виктор же был общителен, обаятелен. У него был гибкий ум, он быстро сходился с людьми. Мы выбрали его комсоргом своей группы».

Хорошо помнят Виктора все, кто с ним учился.

— Виктор мне запомнился внимательным, скромным, всегда готовым прийти на помощь товарищу, — вспоминает Георгий Сергеевич Пантелейев, доцент, руководитель одной из кафедр политехнического института. В те годы он был секретарем общевузовского комитета комсомола.

Виктор держался незаметно, как бы в тени. Однако он загорался и совершенно преображался, когда разбирались вопросы учебы, комсомольских дел. Его не раз избирали комсоргом группы и членом комсомольского бюро факультета точной механики. Он успевал везде. Часто вместе с Ремиром Деяшкиным, ответственным за спортивный сектор, приходил в комитет комсо-

мола, помогал в организации студенческих спортивных соревнований, рейдов. Учился Виктор хорошо, получал повышенную стипендию. На лекциях сидел в одном из первых рядов аудитории.

Кроме научной и общественной работы, Виктор очень увлекался спортом. Как легкоатлет, баскетболист, он много раз защищал честь своего факультета. Страстный болельщик баскетбола, он все же отдавал предпочтение рыцарскому виду спорта — фехтованию. В сборной «мушкетеров» института не был последним. Дрался на рапирах. Хладнокровие, быстрая реакция, зоркий глаз и твердая рука позволили ему быстро, в течение полутора лет, достичь первого разряда.

Марк Сергеевич Верховский, спортивный тренер Виктора по фехтованию, отмечал, что Виктор никогда не пропускал тренировок, успешно выступал в сборной команде области на первенство РСФСР и в Спартакиаде народов СССР в Москве. А для того чтобы принять участие в соревнованиях, Виктор досрочно сдавал экзамены.

Участие в спортивных состязаниях дало возможность Виктору повидать многие города страны: Сталинград, Воронеж, Махачкалу, Саратов. Некоторые из фехтовальщиков, с кем Виктор встречался в соревнованиях, стали многократными чемпионами РСФСР: Мавлеанов, Марк Ракита, Марк Верховский.

Умел Виктор и интересно отдыхать. Любил вечером после занятий поиграть в шахматы. Обычными его партнерами были Ремир Деяшкин и Петр Волосатов. Как отмечает Ремир, Виктор играл всегда в темпе. Если проигрывал — не обижался, все со смехом. И что интересно: Виктор обычно выигрывал у Петра Волосатова, Петр — у Ремира, а Ремир — у Виктора. Нот вот приходил с аккордеоном Виктор Бердинев. И два земляка, два Виктора, начинали петь любимые песни, которые они привезли с собой из Нестерова. Нравились Виктору песни, которые исполняли Клавдия Шульженко и Леонид Утесов. Он часто наставлял понравившиеся мелодии или подбирал их на аккордеоне.

Еще одной «слабостью» Виктора была интересная книга. Он зачитывался до глубокой ночи.

Как-то на базарчике ребята раздобыли редкую по тем временам книгу Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Читали все по очереди. И только Виктор зап-

мнил из этой книги большое количество афоризмов и часто к месту применял их.

Напряженные занятия в институте требовали активного отдыха. У друзей стало традицией совершать вечерние прогулки перед сном. Оба Виктора, разговаривая, шли быстро, и Петру Волосатову приходилось их останавливать:

— Вы на прогулку вышли или на занятия торопитесь?..

Осенью на третьем курсе студенты узнали, что поедут в подшефный колхоз Татарской АССР на уборку урожая. Сборы были недолгими. Ехали в товарных вагонах.

Вот и прибыли на место. Первое, что бросилось в глаза, — это красивая природа: небольшое село окружал густой лес.

Первый день ушел на размещение. Утром вышли на работу. Девушки дергали коноплю, убирали с поля турнепс. Ребята работали на сортировочных машинах.

Вечерами студенты собирались на площадке возле недостроенного клуба посмотреть татарские танцы, послушать национальные песни. И как же были все удивлены, увидев, что Виктор свободно разговаривает на местном языке с сельскими ребятами и девчатами. А секрет был прост: Виктор хорошо знал казахский язык, а казахский и татарский родственны. Этот факт как-то быстро сблизил сельскую молодежь с гостями. Виктор стал «переводчиком» на общественных началах.

Месяц работы в колхозе еще больше сдружил и самих студентов. Время пролетело незаметно. Вернувшись в институт, но еще долго вспоминали дни, проведенные в подшефном колхозе.

Потянулись своим чередом лекции и практические занятия. Виктору как группомсоргу приходилось заниматься о том, чтобы в группе не было отстающих.

С Тамарой Журавлевой случилось несчастье: она упала с качелей и долго пролежала в больнице. От однокурсников по учебной программе она, естественно, отстала. И комсомольцы группы, в которой училась Тамара, решили ей помочь. Всю ночь напролет Ремир Деляшкин, Петр Волосатов и Виктор делали ей курсовой проект «Детали точной механики». Ремир писал пояснительную записку, Петр и Виктор заканчивали чертежи. К утру курсовой проект был готов.

Помогал Виктор и Косте Кlevацкому, который в отличие от большинства студентов поступил в институт не со школьной скамьи, а имея за плечами солидный стаж работы.

У обоих была страсть к охоте. И вот после долгих совместных занятий они по воскресеньям выезжали в лес. Возвращались уставшие, обычно без добычи, но довольные.

Тот, кто учился в институте, знает, что такая сессия и сколько она отнимает сил.

Как-то весной, в самый разгар сессии, друзья решили «проветриться». У Кости было два велосипеда, а желающих поехать на охоту оказалось трое: Виктор, Костя и Ремир. Бросили жребий. Велосипеды достались Косте и Ремиру. Расстроенный Виктор остался дома. На следующий день сдавали экзамены по физике. Виктор сумел подчинить свои чувства воле, хорошо подготовился и на экзамене ответил на «отлично». Ремир же не успел все повторить, а в таких случаях всегда попадается «несчастливый» билет. В результате — «удовлетворительно». Это был единственный случай резкого расхождения в отметках у Виктора и Ремира. Учились они все время ровно, в зачетных книжках обоих стояли отличные и хорошие оценки.

НА ПРАКТИКЕ

После третьего курса студенты Пензенского индустриального проходили практику на предприятиях. Виктор, Ремир, Эля Курапова, Аня Бакакина и еще шесть человек из их группы были направлены на Курский завод счетно-аналитических машин.

На заводе студенты работали на фрезерных станках и в сборочном цехе — собирали арифмометры.

Жили в заводском общежитии и часто устраивали с заводчанами товарищеские встречи по волейболу. В свободное время ходили в театр и кино.

Курс в то время еще носил следы войны. Половина зданий была разрушена, сады заброшены. Но всюду велись восстановительные работы. Город возрождался из руин. И как ни в чем не бывало по вечерам пели знаменитые курские соловьи. Студенты всей группой ходили в большой лиственный парк послушать их пе-

ние. Словно соревнуясь между собой, соловьи устраивали настоящие концерты...

Практика незаметно кончилась, ребята и девушки получили квалификацию слесарей-сборщиков третьего разряда. Веселые, загорелые они вернулись в институт. За отчет по практике Виктор и Ремир получили отличные оценки.

В институте будущие инженеры изучали военное дело. По рассказам начальника учебной части военной кафедры Елизара Андреевича Морозова, военную подготовку Виктор проходил с удовольствием. На учебных занятиях за одним столом сидели фронтовики с колодками наград на груди и вчерашние школьники. Это дисциплинировало молодежь, подтягивало ее.

В аудиториях военной кафедры студенты знакомились с тактикой ведения боя на местности, изучали управление зенитной стрельбой. Здесь Виктор постигал науку погибшего отца.

Выезжали в лагеря. И всегда три друга привозили из воинских частей благодарности: Виктор — за отличную стрельбу, Петр Волосатов — за дисциплину, а Ремир — за спортивные достижения.

Следующая практика у студентов была уже на четвертом курсе. Две группы студентов, среди которых были Виктор и Ремир Деяшкин, направили на Московский завод счетно-аналитических машин. Завод выпускал табуляторы для бухгалтерского учета, связанного с перфокартой. Под руководством мастеров студенты изучали технологию приборостроения, изготовления различных инструментов, кузнечно-прессового оборудования, счетно-аналитических машин.

Виктору здесь понравилось. Практика познакомила студентов с настоящим крупным производством. Некоторые, встретив трудности, как-то сникали. Большинству, в том числе и Виктору, самостоятельная работа помогла проверить знания, прибавила уверенности.

Руководитель группы Николай Петрович Вашкевич, аспирант, готовился к защите диссертации, был очень занят, и ребята получили большую свободу действий. Выкраивали время для «культурного» отдыха.

— Ребята! Есть предложение: сегодня после работы съездить в Третьяковку! — в первые же дни практики предложил Виктор.

— Вашкевич ведь просил никуда не отлучаться без его разрешения, — напомнила Аня Бакакина.

— А я уже взял билеты на всю группу! Не пропадать же им! — весело заявил Ремир.

Все радостно зашумели. И только лишь закончилась смена на заводе, ребята и девчата сели в автобус и поехали в известную всему миру Третьяковскую картинную галерею.

Следующий поход состоялся в воскресный день на футбольный матч на стадион «Динамо». В те годы сюда было настоящее паломничество.

Много раз Виктор и Ремир выстаивали большие очереди за билетами в театр. В Большом слушали оперы «Князь Игорь» Бородина и «Кармен» Бизе. Смеялись над приключениями героев оперетт «Сильва» и «Фиалка Монмартра». Побывали в Художественном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. В Останкине купались в пруду. Не упустили случая посмотреть дворец графа Шереметева. Гуляли по уютным улочкам старой Москвы. Ездили на Воробьевы горы.

В Пензу вернулись переполненные яркими впечатлениями о столице, обогащенные новыми знаниями, по-взрослевшими.

КАНИКУЛЫ

В течение всех студенческих лет Виктор не порывал связей со своими школьными товарищами. Часто приезжал с Володей Новиковым на каникулы домой, в Нестеров.

Помню я, как на рассвете мы, младшие сестры и братья Виктора, ходили на железнодорожную станцию встречать его. Кто-нибудь из нас нес чемодан, а Витя рассказывал интересные случаи из студенческой жизни. Память у него была отличная, «магнитная», как выражался однажды он сам.

— У нас в институте есть один оригинальный профессор, — рассказывал Виктор по дороге. — Приходит к нему студент сдавать экзамен, он его спрашивает: «Так что вам ставить: «четыре» или «пять»? — «Пять», — отвечает студент. Профессор берет зачетку и ставит ему пятерку. Подходит другой студент. «А вы, молодой человек, как оцениваете свои знания?» Студент мнется:

«Да ставьте «четыре»...» Тогда профессор начинает его спрашивать.

— Ну а ты как ему отвечал? — поинтересовалась я.
— Я ему уверенно: «Пятерку!»

Пока шли домой, утро разгоралось. Уже не такими мрачными казались разбитые здания по сторонам улицы, ведущей с вокзала. Дома нас ждали. Бабушка Анастасия Ефимовна старалась повкуснее накормить внука: нажарит котлет, напечет беляшей, приготовит какао. Но Виктор любил картошку в любом приготовлении. Однажды он спросил:

— Бабушка, что, у нас картошки в доме нет?

— Как же, внучек? Есть, конечно! Но тебе картошка, наверное, и в институте надоела?

— Мяса, бабушка, у нас в столовой как раз много, а вот картошка не всегда бывает.

Каникулы студенты проводили активно: охотились, купались в озерах, ходили в кино и на танцы, участвовали в художественной самодеятельности, играли в волейбол.

— Как-то решили мы сходить коллективно на охоту, — вспоминает Володя Новиков. — Кроме меня, Виктора, Николая Роменкова, в ней участвовали еще двое ребят. Весь день мы бродили по лесу, но дичи не удалось подстрелить. Вечером решили сесть в засаду в том месте, где дикие кабаны переходят дорогу, направляясь ночью из леса пастись на картофельное поле. Рассредоточились. Виктор с одним товарищем остался в засаде. Я залез на дерево, не желая встречаться с кабаном нос к носу. Но комары оказались страшней диких животных. Так на нас набросились, что мы и осторожность забыли, обеими руками приходилось отмахиваться от комаров. А кабаны так и не появились. Когда рассвело, отчаянно искущенные вредными насекомыми, мы с шутками покинули свою засаду.

Виктор любил веселых, остроумных людей. Этими качествами в избытке обладал брат Анатолий, был просто неистощим на шутки и выдумки, хорошо играл на баяне, любил морские песни. Морем Анатолий бредил. Учился в мореходном училище в городе Советске, потом работал на пассажирском пароходе Черноморского флота. Домой являлся в отпуск в матросской форме.

Как и в детстве, у братьев не было секретов от мамы. Они ей рассказывали о своей работе, учебе, при-

ключениях и даже о девушках. И вот заметила мама, что Виктор и Анатолий все время хохочут.

— Что-нибудь снова натворили? Сознавайтесь! — подступила она к ним.

И братья сдались. Оказывается, возвращались они ночью с танцев. Шли темной улочкой мимо садов.

— Здесь я днем приметил одну грушу. На ней вот такие плоды! Полезем? — предложил Анатолий.

— Зачем тебе? У нас в саду свои есть...

— У нас не такие. Я маме хочу немного наравить.

— Да брось ты! Я не полезу, — отмахнулся Виктор.

— Тогда жди меня здесь. Я сейчас!

Анатолий подтянулся и сел на высокую каменную ограду. Только занес ногу на другую сторону, как огромный пес с рычанием бросился на него и вцепился в широкие флотские брюки. Анатолий рванулся назад, но зацепился за что-то брюками и со всего размаха упал в крапиву. Виктор, схватившись за живот, присел от хохота. За оградой лаял пес, ругался хозяин, а Анатолий с сожалением смотрел на свои роскошные флотские брюки, у которых одна штанина была разорвана от колена и ниже.

— Что делать? — сокрушался Анатолий. — Домой в таких брюках нельзя показываться: мама будет ругать... Зайду-ка я к одной девушке, здесь недалеко живет — она зашьет...

На его лице, сначала расстроенном, уже светилась веселая белозубая улыбка.

* * *

В Пензе Виктор начинает постоянно сотрудничать в газете «Молодой ленинец». Особенно плодотворным был 1954 год. С апреля по август Виктор поместил несколько значительных материалов. Пользовался он различными газетными жанрами: от простой информации и критической заметки до кинопрезенции.

Соприкоснувшись с журналистской деятельностью, Виктор говорит о большой ответственности, которую должен чувствовать каждый, кто встал на этот путь.

В 1963 году, когда брат уже работал, он одобрил мое намерение поступить на заочное отделение журналистики Ростовского университета и написал: «...ты все

же молодец, что решила заочно учиться на журналиста, желаю тебе успешно сдать экзамены. Только слишком серьезная специальность — журналист».

Кстати, за что бы брат ни брался, он сам ко всему относился со всей серьезностью. Это, пожалуй, было главнейшее свойство его натуры.

В этом же письме была вырезка из газеты с очерком З. Александровой из Барнаула «Что такое завидная судьба?». В ней говорилось о том, как комсомольцу Володе Литвинову врачи запретили всякое резкое движение, предостерегали даже от поездок в вагоне. Но так жить он не смог. Секретарь райкома комсомола, журналист, он избрал жизнь, от которой «можно уставать, сердиться, огорчаться. Но нельзя заснуть».

Володя Литвинов много ездит, и в каждой поездке находит что-то новое, необыкновенное. Местные газетчики всегда разживаются у него интересным материалом.

«Это, по-моему, и есть завидная судьба... — пишет автор очерка. — Судьба бывает почти всегда завидной, когда ее делают своими руками, а то ведь можно и просто повиноваться ей, наблюдать, куда она вынесет. Бряд ли кто-нибудь такой судьбе позавидует».

На газетной вырезке рукою брата было написано: «Вот что такое журналист!»

К СМЕЛЫМ ДЕРЗАНИЯМ

На пятом курсе после зимней сессии началась преддипломная практика в научно-исследовательском институте счетных машин. Студенты получили задания дипломных проектов. Виктор выбрал тему: «Быстро действующий гармонический анализатор». По тому времени это была малоисследованная область техники. Дипломным проектированием Виктора руководил московский профессор Натан Ефимович Кобринский. Три раза в семестр он приезжал из Москвы в Пензу читать лекции. Студенты, которые брали у него темы дипломных работ, как правило, были достаточно хорошо подготовленными и не нуждались в консультациях.

Как вспоминает Ремир Деяшкин, они с Виктором самостоятельно проектировали свои приборы для дипломных работ. Делали много сложных расчетов, настойчиво

во искали правильные решения, чтобы воплотить их в чертежи. Они заранее старались представить, как их приборы будут работать.

В своей заметке «Скоро на работу», помещенной в областной молодежной газете, Виктор высказывает очень ценную мысль о значении дипломного проекта:

«Дипломный проект — творческий отчет студента о работе в течение пяти лет в стенах института. В нем отражается умение решать важные технические вопросы, увязывать их с нуждами народа, а также способность к смелым, но обоснованным дерзаниям».

Ольга Ефимовна Кроник, ныне заместитель начальника отдела НИИ, отмечает: «Дипломный проект Виктора Ивановича Пацаева был посвящен разработке гармонического анализатора функций. Это очень сложная работа. Пояснительная записка содержала 117 страниц, и графические работы были выполнены на 9 листах. А пояснительной записке и чертежам предшествовала большая исследовательская работа, которую Пацаев вел под руководством профессора Кобринского».

Нужно отметить, что прибор, сконструированный Виктором в те годы, имеет практическое значение и в настоящее время. В личном деле Виктора хранится рецензия Натана Ефимовича на его дипломный проект.

«Несмотря на весьма ограниченный объем материалов, которыми мог пользоваться дипломник, им весьма успешно и в основном самостоятельно решен ряд технически сложных вопросов. Дипломный проект В. И. Пацаева... свидетельствует о хорошей общеинженерной подготовке дипломника. Считаю, что дипломный проект В. И. Пацаева заслуживает отличной оценки, а дипломник — звание инженера-механика».

Защита дипломной работы Виктора состоялась 22 июня 1955 года. Члены государственной экзаменационной комиссии задали ему одиннадцать вопросов, и на все получили обстоятельные, исчерпывающие ответы.

В протоколе экзаменационной комиссии появилась запись: «Ответы на вопросы показали, что студент Пацаев Виктор Иванович обладает отличными знаниями по общетехническим и специальным дисциплинам».

В личном деле сохранилась и характеристика на студента Пацаева: «...серъезен, учебные задания выполняет добросовестно и своевременно. Принимает активное участие в общественной жизни института, был комсор-

гом группы, членом факультетского бюро ВЛКСМ. Дисциплинирован. Взысканий не имеет.

Вот и закончились государственные экзамены, успешно прошла защита дипломных работ. Дружная студенческая семья разлетелась по разным городам страны. Три товарища: Виктор, Петр Волосатов, Ремир Дяшкин получили назначение в Москву. Виктор и Петр были направлены на работу в Центральную аэрологическую обсерваторию (ЦАО), которая входит в Главное управление Гидрометслужбы СССР. Обсерватория находится в городе Долгопрудном. Она занимается изучением слоев атмосферы, состояние которых определяет погоду на земле.

Я бережно храню письма брата, написанные им в 1956 году, когда он работал инженером Центральной аэрологической обсерватории. Перечитывая их, я обратила внимание на то, как часто употребляются в них слова «интересно» и «нравится».

«Живу в общежитии... Работаю конструктором в экспериментальном конструкторском отделе, проектирую приборы для изучения атмосферы, то есть химического состава ее, распределения температуры, влажности, давления, радиации, земного магнетизма и прочих явлений и процессов, которые интересуют наших ученых.

Многие наши приборы интересующие нас сведения передают автоматически радиосигналами.

...Я сейчас с удовольствием занимаюсь самостоятельно радиотехникой, на что и уходят почти все вечера.

Организация наша — крупное научное учреждение. Здесь работают большие специалисты в области аэрологии и т. п., много профессоров, есть аспирантура.

Сразу после прихода на работу меня подключили на помощь одному старшему инженеру. Теперь он уходит из нашего отдела, и дорабатывать прибор придется мне одному, а после изготовления его в наших мастерских буду испытывать его в лаборатории и в полете. Все это очень интересно, хотя пока для меня и трудновато.

Отдел наш маленький, всего семь инженеров вместе со мной. Каждый из инженеров ведет определенную тему. Опытные образцы приборов изготавливаются здесь, в наших мастерских. Собираем сами, испытываем сами, а после чертежи передаем на заводы.

Таким образом, мы, то есть наша маленькая группа инженеров и техников, являемся носителями новых идей, которые сами же применяем на практике. Получаем задания от нашей науки и работаем над ними».

В другом письме он сообщает: «У меня после Нового года произошли кое-какие перемены: повысили в должности и перевели по моей просьбе в другой отдел. Теперь я работаю на должности старшего инженера в отделе исследования верхних слоев атмосферы. Работа здесь имеет свою интересную специфику и связана с ежегодными экспедициями. Так что теперь мои дела стали еще лучше. Особенно мне нравится то, что будет возможность поездить в экспедиции, повидать белый свет».

Петр Волосатов заметил, что в работе Виктор шел глубоко в определенном, одном направлении, но не упускал из виду все интересное, что происходило вокруг. В 1955 году Петра избрали в комитет комсомола ЦАО. Отвечал он за сектор печати. Ему помогал Виктор. Много энергии, студенческого задора привнесли в общественную жизнь друзья. Прежде всего они смело выступали против некоторых бесхозяйственных руководителей ЦАО, по вине которых не использовалось новое оборудование. Они выпустили интересный боевой листок. Два вечера Петр и Виктор потратили только на то, чтобы к обличительному фотомонтажу подобрать подходящую текстовку из русских народных песен. Этот боевой листок понравился директору ЦАО Георгию Исаевичу Голышеву. И результаты заинтересованной критики не замедлили сказаться. Работа пошла четче.

Петр Волосатов с благодарностью вспоминает то время, когда они работали с Виктором плечом к плечу, брат часто ему помогал. Помогал щедро, от души. А как же иначе, ведь все вместе они делали общее дело!

— Однажды, — рассказывает Петр Ильич, — я долго бился над одной сложной проблемой. Случайно встретились с Виктором в электричке. Он ехал на работу, а я в командировку. В разговоре я посетовал на свои заботы. А он мне подсказал: «Ты попробуй использовать сплав из стекла и коварра, они имеют одинаковый коэффициент расширения» — и назвал мне адрес института, который успешно занимается решением

данной проблемы. Я воспользовался советом друга — и получилось!

Виктор многое впитывал, но и щедро делился своими знаниями с товарищами. Отличительной особенностью Виктора была самостоятельность суждений. Он не любил подражания, жадно искал новых конструкторских решений. По натуре своей он был исследователем. Все, кто знал Виктора, отмечали удивительную целеустремленность, умение не растрачиваться по мелочам. Он настойчиво шел к своей цели, и никакие временные неудачи и неполадки не могли охладить его пыл. А ведь многие не менее талантливые ребята, случалось, брались то за одну проблему, то за другую. В результате время уходило. Но инженерная мысль развивается, и то, что они не успели, уже делали другие. К Виктору же можно отнести афоризм Леонардо да Винчи: «Не оглядывается тот, кто смотрит на звезду». У брата была эта неугасимая путеводная звезда.

Что же говорил сам Виктор о своих первых годах работы, о становлении его как инженера?

«После окончания института несколько лет прорабатал инженером. А потом поступил в Московский энергетический институт. Слушал курс и в Московском физико-техническом. Ведь это аксиома, что инженер всю жизнь должен учиться, иначе отстанешь. Совершенствовать знания и вглубь и вширь. Не слишком, конечно, широко, не то потеряешь самого себя. Очень важно знать, что творится на стыках с твоей специальностью, потому что именно здесь порой появляется много новых открытий. Знать их, понимать логику вызревания должен не только ученый, не только исследователь. Инженеру, разрабатывающему новую технику, без этого можно работать только на вчерашний день. А меня всегда тянуло к нерешенным проблемам».

В одном отделе с Петром Волосатовым Виктор проработал полтора года и все чаще стал рассматривать свою деятельность как этап, пусть необходимый, сложный, но все-таки пройденный этап в своей инженерной практике. Пытливая мысль исследователя не давала покоя, интуиция подсказывала — нельзя стоять на месте, нужно идти вперед. Виктор поделился своими раздумьями с Петром:

— Здесь мы все изучили, узнали. Осталось толь-

ко специализироваться, оттачивать свое мастерство. Пойдем дальше!

Волосатов остался, а Виктор перешел в конструкторское бюро отдела исследования верхних слоев атмосферы.

* * *

Осень. Холодный октябрь сбросил позолоту с деревьев. Опавшие листья шуршат под ногами бесконечной очереди к Мавзолею Владимира Ильича Ленина. В этой веренице людей тихо беседуют два сотрудника ЦАО — Виктор и Иван Петрович Половина. Четыре часа, проведенные в очереди к Ленину, положили начало их многолетней дружбе. Специальности у них были разные: Иван Петрович — метеоролог, Виктор — инженер-конструктор отдела стрatosферных исследований. После института Виктор пришел в неизвестную ему область техники и нуждался в дополнительных знаниях по метеорологии. Этими знаниями с ним охотно делился Иван Петрович.

Виктору нравился неистощимый юмор украинского друга, с ним невозможно было заскучать даже на минуту. Оба увлекались спортивными играми, участвовали в соревнованиях. Вечером друзья отправлялись в ЦАО играть в настольный теннис. Иван Петрович одно время занимал по теннису первенство среди сотрудников ЦАО. Но Виктора эта игра не увлекала. Теннису он предпочитал стрельбу, шахматы и волейбол.

В начале 1957 года для Ивана Петровича обстоятельства сложились таким образом, что он вынужден был вернуться в Киев, не окончив аспирантуры. В Долгопрудном он появился через год. Виктор (к этому времени уже семейный) получил комнату в доме 21 по улице Первомайской.

Вечер. Мама в гостях у сына. Готовит ужин. Вера задержалась на работе. Витя ушел к товарищу.

Резкий звонок в дверь. Мама спешит открыть. На пороге Иван Петрович Половина.

— Здравствуйте, Мария Сергеевна! — весело приветствует гость.

— Проходите, пожалуйста! Витя вас не дождался. Пшел к товарищу, но скоро вернется.

Вот и Виктор. Друзья крепко обнялись. После ужи-

на, сидя у телевизора, они негромко беседовали. Виктор поделился с Иваном Петровичем своими планами на будущее, сказал и о возможном уходе из ЦАО, объяснив, что его тянет к большему: решил перейти работать в конструкторское бюро предприятия, где создавалась космическая техника. Руководил предприятием Сергей Павлович Королев.

Иван Петрович поддержал стремление друга.

СОВЕТ БРАТА

Вскоре после окончания десятого класса в июле 1957 года я приехала в Москву поступать в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию на плодовоощной факультет. Остановилась у брата в Долгопрудном. Они с женой Верой снимали комнату на первом этаже дачного двухэтажного особняка.

Некоторые учебники я с собой не привезла, и Витя доставал их у своих сотрудников. Учебники эти были старого издания, но я не огорчалась, хотя приходилось во многом разбираться заново. Я с нетерпением ждала того момента, когда брат вернется с работы. К его приходу у меня накапливалось много вопросов. Вот он и дома.

— Витя, расскажи мне, пожалуйста, о реактивных двигателях, — прошу я его. — Первым их разработал Циолковский?

Виктор садится на кровать.

— Первым разработал чертежи ракет Кибальчиц, находясь в тюремной камере... — И брат увлекательно рассказал рассказывать мне об основоположниках ракетостроения — Николае Ивановиче Кибальчике, Константине Эдуардовиче Циолковском, Фридрихе Артуровиче Цандере.

Имя Сергея Павловича Королева еще открыто не упоминалось. Не назвал его мне и брат, но под руководством Королева в Казахстане в те годы строился космодром, и совсем немного оставалось до полета первого искусственного спутника Земли.

28 июля в столице начался VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Вечерами я заносила в маленькую записную книжку свои впечатления от фестиваля и событий прошедшего дня. Увидев это, брат пошутил:

— Когда ты собираешься отнести свои мемуары в редакцию? — Разве я могла предположить, что мне когда-нибудь пригодятся эти случайно сохранившиеся записи! Каждое слово в них вызывает в памяти живые картины тех дней. Виктор же никогда не вел дневников.

В начале августа в Тимирязевке начались приемные экзамены, первым писали сочинение. Я выбрала вольную тему: «СССР — оплот мира в борьбе за мир». Через три дня после сочинения мы держали экзамен по физике. Страница брата не пропали даром — физику я сдала на «отлично». Но по сочинению получила «хорошо», и радость моя померкла. Я знала, что перед десятиклассниками, поступающими на плодфак, ставились жесткие условия: поступит тот, кто все экзамены сдаст на «отлично». Конкурс на этот факультет был необыкновенно большой.

Домой я приехала невеселая. Витя пришел на обед и сразу с улыбкой ко мне:

— Ну как?!

Я показала ему раскрытую пятерню и добавила:

— А по сочинению «четыре»...

— Молоток! — сказал брат. — Дай-ка я тебя поцелую.

«Может быть, все будет хорошо, и я поступлю», — подумала я, ободренная похвалой брата.

В этот вечер мы отправились смотреть праздничную Москву. Путь держали на ВДНХ. Вечерняя выставка показалась мне чудесной сказкой. Мы долго бродили по ее широким проспектам среди бесчисленных групп иностранцев, любовались разноцветными фонтанами. Но мысли об экзаменах возвращали к действительности.

Химию сдала на «пять», а биологию — на «четыре». Итак, из двадцати баллов я набрала только восемнадцать. Не найдя себя в списках поступивших в академию, я не выдержала — расплакалась. Когда подходила к дому, Витя по обыкновению вышел мне навстречу. Узнав причину моего расстройства, сказал:

— Не горюй, друг! Радуйся сегодня, завтра будет хуже.

Сквозь слезы я невольно улыбнулась. Брат тоже, наверное, переживал мою неудачу, был задумчив, но все время старался поддержать во мне бодрость духа.

После неудачного поступления в Тимирязевку я засыпалась домой, но брат решительно стал возражать:

— Куда ты торопишься? Погости у нас еще недельку. Ведь ты Москву еще не видела. Съезди в Музей имени Пушкина. Отвлекись немного от грустных мыслей. Все у тебя впереди. Главное — не вешать носа.

По утрам Витя спрашивал меня:

— Ну, Галинка, какие у тебя планы на сегодня? — И сам предлагал мне познакомиться с какой-нибудь новой достопримечательностью Москвы. Так по его совету я побывала в Третьяковской галерее, посмотрела великолепные здания МГУ на Ленинских горах, любовались созвездиями в планетарии. Брат достал мне билет на концерт ансамбля «Дружба» с участием Эдиты Пьехи. Посчастливилось мне побывать на выступлениях Аркадия Райкина.

Несмотря на неудачу, Москва оставила у меня самые светлые воспоминания. И за это я была благодарна брату.

Всю зиму я усиленно готовилась и на следующий год поступила на плодовоощной факультет Мичуринского плодовоощного института Тамбовской области.

Очень дорого мне письмо брата, полученное в первый год моей самостоятельной работы агрономом после окончания Мичуринского института. Я выразила ему свое недовольство местом назначения. Он мне ответил: «Главное — интересная работа, а она у тебя должна быть интересной, так как ты впервые попала в условия, в которых от тебя как-то зависит результат труда большого коллектива. Это обычно рождает два чувства — сознание ответственности, с одной стороны, и с другой стороны — сознание того, что ты все-таки приносишь какую-то посильную пользу».

...Откровенно говоря, я еще не видел ни одного молодого специалиста, довольного своим положением в первый год работы... Человек доволен своей работой только тогда, когда видит плоды своего труда, а сразу их видят разве только пекари. Вот и бегут молодые «специалисты» кто куда — кто в армию, кто в духовой оркестр. Нужно набраться терпения проработать на месте год-другой, только тогда можно полностью оценить все хорошие и плохие стороны работы, понять свое положение в производстве. Может быть, тогда появятся другие настроения. Мораль сей басни — не торопись с выводами, осмотрись получше на месте, может быть, это как раз то, что тебе нужно. Ведь, наверное, там

можно заняться и научной работой; поперек стоять, думаю, никто не будет. А это тоже нужно ценить, ведь у всех нас теплится надежда сделать что-то новое, необыкновенное, но не всегда есть возможности для этого. Кроме всего сказанного, надо помнить и еще одно: что в любой работе, какой бы она творческой ни была, всегда на девяносто процентов труда будничного, чернового, и только небольшая часть ее составляет творческую сущность».

НА ВОЛГЕ

С 1958 года родители жили в селе Рождествено Куйбышевской области. Брат с женой и детьми приезжали сюда отдыхать. Каждый день они ходили на Воложку (проток Волги) купаться. Спали в палатке в саду.

Еще не летал в космос Юрий Гагарин, когда Виктор взял у родителей с этажерки купленную когда-то мною книгу «Путешествие на Луну» К. Э. Циолковского, внимательно перелистал ее и сказал маме:

— Обязательно прочтите эту книгу... Вот увидите, это скоро сбудется, фантастика станет былью.

Теперь я удивляюсь прозорливости брата.

Перед окнами квартиры родителей раскинулся сад. Они вырастили его на заброшенном участке. Прохожие останавливались, любуясь цветами, рослыми, красивыми деревьями.

Виктору нравилось работать в саду: поливал из шланга яблони и грядки, окапывал деревья. Его дочь Светланка каждое утро выходила с бабушкой в сад посмотреть, расцвели ли новые цветы. Сама чуть выше розовых маков, она целовала распустившийся цветок и восторженно заявляла:

— Бабуля, еще один цветок расцвел!

Брат с улыбкой наблюдал за этой утренней сценой. Отдых в селе Виктор использовал для закалки детей. Они много загорали, весь день бегали в одних трусиках. Однажды Виктор взял их с собою на рыбалку. С утра ничего не предвещало перемены погоды, но в обед над всей округой нависла туча с седыми краями. Разразилась гроза.

Мама стояла на террасе, вздрагивала при каждом ударе грома и с тревогой поглядывала в окно: не идут ли?.. Но сына с детьми не было видно.

Стала гроза утихать. А вот и они. Витя несет на плечах Светочку, штанины брюк его закатаны до колен, а следом бежит Дима с удочкой. Мама со слезами бросилась к ним навстречу, целует:

— Родные вы мои, живы! А я уж думала, что с вами что-нибудь случилось...

— Не бойся, мама! — успокаивал ее Витя. — С нами ничего не случится. Я натянул на куст свой плащ, мы сидели под кустом и пели песни.

— Страшно было? — спросила мама Диму.

— Нет... — отрицательно качнул темной стриженою головой внук.

Виктор постоянно стремился привить детям бесстрашие. Он хотел, чтобы они не боялись ни темноты, ни грозы, ни одиночества. А если уж выпадет какое-нибудь испытание, то не плакать. И девизом у них было: «Не плашь!» Когда сын подрос, Виктор внушал ему: «Учись и работай честно, говори только правду — тогда тебя будут все уважать».

Маму Виктор очень любил и заботился о ней до последних дней. Настойчиво уговаривал ее прописаться в его московской квартире. Совхозная квартира родителей в селе Рождествено была без удобств, а пошатнувшееся с годами здоровье все чаще напоминало о себе.

«Мама и папа, вот о чем я с вами хотел поговорить, — пишет он в апреле 1970 года. — Мне кажется, пора вас прописать у меня на квартире. Ведь все равно вам скоро будет трудно одним жить в Рождествене. Хватит возиться с дровами, пора переходить на пенсионерскую жизнь».

5 декабря 1968 года Виктор приехал в Рождествено к родителям на семейное торжество. На следующий день он уже возвращался в Москву. Провожающих было много, но мы с братом и дядей Александром Кольцовым ушли вперед.

Идти по тонкому льду только что замерзшей Волги было страшно. У прорана темнела огромная полынь, и над нею поднимался белый пар. А на том далеком берегу сквозь туманную кисью виднелись острые шпили и белые дома Куйбышева. Сначала мы шли друг за другом, соблюдая дистанцию. Но потом я догнала брата, и дальше мы пошли рядом. По дороге Виктор рассказывал о Сергееве Павловиче Королеве. Я слушала, забыв

об опасности. Такое я слышала впервые. Оказывается, Виктор знал Королева лично и очень ценил его.

— Особенно нравилось мне в Сергееве Павловиче то, — рассказывал брат, — что он был хозяином своего слова. Придешь к нему — он внимательно тебя выслушает, сам еще расспросит и обязательно поможет.

Виктор отмечал конструкторский талант Главного, его огромные организаторские способности и целеустремленность. Большую часть жизни своей он отдал для того, чтобы вплотную подойти к осуществлению своей мечты, созданию в стране космодрома и космических ракет.

В заключение брат сказал:

— Запомнились мне его слова: «Жить просто нельзя, жить надо увлеченно!» Он сам может служить примером удивительной увлеченности своим делом. Таких людей Земля в сто лет один раз рождает.

Рассказывал брат о полетах Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, Георгия Берегового. Слушала я его и с сожалением посматривала на приближающийся противоположный берег. Я догадывалась, что Виктор после работы в ЦАО теперь был причастен к созданию космической техники, знала от мамы, что он проводил занятия с космонавтами. Но о том, что он был уже в отряде космонавтов, никто из нас не знал.

Дома я поделилась с мамой тем, что узнала от брата.

А она сказала:

— Как-то мы с Витей разговорились о спутниках. Он и говорит: «Там, мама, и моих триста летает»... Как бы сейчас порадовался отец...

ЧЕРЕЗ ГОДЫ

В 1974 году с волнением вошла я в ворота Центральной аэрологической обсерватории. Ремир Васильевич Деяшкин, тот самый Ремир, который плечом к плечу с Виктором испытал все радости и трудности студенческой жизни, познакомил меня с сотрудниками обсерватории, знавшими брата. Вскоре, после прибытия в ЦАО, Виктора направили в конструкторскую группу Евгения Антоновича Беседовского.

Позднее Виктор скажет:

«Мне посчастливилось встретиться здесь с замечательными людьми, с настоящими инженерами. Эти люди

серъезно увлечены своей работой, не теряют ни секунды даром, умеют зажигать в своих товарищах творческий огонь большой заинтересованности в работе...

— В нашем отделе Виктор проработал три с лишним года, — начал свой рассказ Евгений Антонович Бесядовский. — После института он быстро освоился с производством. Обычно новичкам для этого требуется год или даже два. Виктор вошел в колею в первые же месяцы. Ему не требовалось долго объяснять поставленную задачу. Светлая голова, он все вопросы решал быстро, толково, самостоятельно. Веселый, жизнерадостный, он мог и горячо спорить. Работали мы много, много было и трудностей. А у нас с Виктором разногласий не возникало.

Работал Виктор над экспериментальным прибором для измерения яркости неба. Прибор устанавливался в головной части метеорологической ракеты. Виктор предложил к нему интересный механизм затвора с вращающейся диафрагмой, что позволило делать автоматические съемки неба. Прибор этот сконструировал сам, он получил у нас одобрение, прошел технические испытания и был использован в метеоракетах.

Наряду с главными вопросами Виктору приходилось решать много второстепенных, попутных. Так, требовалось определить вибрационные и линейные перегрузки, которые должен был испытывать прибор при взлете ракеты. Необходимо было подобрать материалы, схемы, кинематику. И со всеми этими вопросами он справился самостоятельно. Людей в то время у нас было мало, а задач много. К Виктору обращались за помощью другие инженеры. И никогда он не отказывался помочь, ссылаясь на занятость. За эту отзывчивость сотрудники его очень уважали.

Заведующий отделом физики высоких слоев атмосферы, доктор физико-математических наук Григорий Абрамович Кокин дополнит рассказ Евгения Антоновича:

— Виктор участвовал в экспедициях по изучению атмосферных явлений. Исследования проводились с помощью метеорологических ракет. Работали в тяжелых условиях полупустыни. Жара в тени достигала сорока градусов. Песок накалялся до восьмидесяти градусов, на нем невозможно было стоять без обуви. Но ничего не могло помешать целеустремленности и работоспособно-

сти Виктора. А специалист он был грамотный, в нем чувствовалась хорошая инженерная подготовка. Однако своей работой он все время был неудовлетворен, хотел решать как можно больше более масштабных задач.

— Виктор был очень общительным, — вспоминает кандидат физико-математических наук, заведующий одной из лабораторий ЦАО Аркадий Борисович Шубятский. — Его не надо было уговаривать на какое-нибудь общественное мероприятие, он тут же соглашался. Часто мы после работы играли в волейбол, устраивали соревнования по лыжам вокруг территории ЦАО. Увлекался Виктор стрельбой из мелкокалиберной винтовки. Соревнования проводили в лесу или подвале одного из зданий обсерватории. Летом мы часто катались на лодках по Клязьминскому водохранилищу, там ЦАО имело свою лодочную базу. Среди весельных лодок было две моторных. В один из воскресных дней Виктор, я и механик Костя Усков взяли моторную лодку и направились по каналу в сторону Солнечной поляны. Лодка была старая, и на всякий случай мы прихватили с собой весла.

С утра погода была прохладная. По небу плыли тяжелые серые тучи, моросил мелкий дождь. Но настроение у всех было хорошее. Лодка легко рассекала зеленоватые волны канала, оставляя позади белые кипящие буруны. Мимо проплывали чудесный сосновый бор, дачи, новостройки. Захватывало дух от свежего упругого ветра, рожденного скоростью лодки. Иногда над каналом появлялись белые чайки.

— Пора бы уж возвращаться, — заметил Костя. — Наверное, километров сорок отплыли.

Развернулись. Внезапно четкий стук мотора стал реже. Пловцы переглянулись.

— Вот уж не хватало, чтобы мотор совсем заглох, — сказал я, поглядывая на тучи. И мотор действительно остановился. Теперь наша лодка беспомощно покачивалась на волнах.

— Да-а, положеньице не из веселых, — заметил Виктор. — Попробуем завести!

Он намотал пусковой шнур на мотор и резко дернул. Мотор повернулся несколько раз, но не завелся.

— Не трать напрасно свои усилия, — иронически заметил я. — Эта старая посудина, кажется, устала плыть. Придется нам на веслах возвращаться.

Но Виктор упорно пытался завести мотор. Вытерев

пот со лба, он передал шнур Косте. Костя тоже долго бился, но завести не смог.

Быстро сгущались сумерки. Холодный порывистый ветер пронизывал нас насквозь. От него негде было спрятаться. И тогда Виктор, улыбнувшись, сказал:

— Что вы, братцы, приуныли? Будем гребсти, а за одно и согреемся.

Костя покачал головой:

— Сорок километров на веслах... Может, лучше оставить лодку на берегу и добраться на автобусе? А потом приедем за ней на машине.

— Ты за лодку расписывался? — спросил я Костю. — Значит, на базе надеются, что мы ее вернем целой и невредимой. И нам нужно оправдать это доверие.

— Не унывайте, ребята! — воскликнул Виктор. — Дотянем! Нужно всегда верить в свои силы.

Он первый сел за весла. Гребли по очереди. Управлять в непогоду лодкой было тяжело. Но зато не таким уже холодным нам казался ветер. В середине ночи дождь прекратился. Болели натруженные руки и спина. Казалось, что черной водной глади не будет конца. Но вот ветер разогнал тучи, на небе появились звезды. Ясным рассветом начинался новый день, когда мы доплыли до лодочной базы. Усталые, покачиваясь, мы сошли на берег. Сторож сообщил, что нас искали ребята из общежития. Они долго не спали, ожидая нашего возвращения. Когда мы появились, промокшие до нитки, усталые, расспросам и восклицаниям не было конца. Саднило мозоли на ладонях, хотелось спать, но мы переоделись во все сухое и пошли на работу.

Последней была у меня встреча с директором ЦАО — Георгием Ивановичем Голышевым. За участие в работах по созданию метеорологических ракет ему была присуждена Ленинская премия.

Высокий, и по всему видно, очень добрый, Голышев сказал:

— О Викторе у нас остались самые лучшие воспоминания. Мы считаем, что он всегда с нами. Когда он пришел ко мне и сказал: «Хочу перейти на работу на другое предприятие», — я хотел его отговорить, но спросил: «А куда?» — «К Королеву»... — «Ну если к Королеву, тогда иди!» — говорю — с Королевым я был лично знаком и отказать ему не мог.

ОТВАГА ИСКАНИЙ

*Нам выпало самое трудное
счастье:
Идти впереди и прокладывать
путь.*

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Последняя моя встреча с братом состоялась в августе 1970 года в Москве. Виктор приехал после работы на Казанский вокзал встретить меня с поезда. Бросилось в глаза, что брат немного постарел. Больше стало мелких морщинок вокруг глаз. Он был озабочен и выглядел несколько усталым. Мы сошли с электрички. Я ожидала увидеть дачную местность, и удивилась, увидев прекрасный строящийся город. К нему вплотную подходил зеленый сосновый бор.

В квартире брата было много света, наверное, оттого, что на стенах не было ковров, не стояла лишняя громоздкая мебель.

— Вот задумал паркет настелить, — сказал Виктор, — поэтому у нас все не на своих местах.

На новеньком желтом паркете, еще не покрытом лаком, были разостланы газеты.

Брат любил мастерить. Он сам сделал книжные полки, пневматическое ружье сыну для подводной охоты на море.

Вернувшись с работы Вера. Витя предложил прогуляться, посмотреть новый город. Вечерние сумерки поглотили дальние здания. За первым рядом домов виднелось большое строительство. Замерли после трудового дня высокие башенные краны.

— Этой осенью Дима пойдет учиться в школу. Теперь не надо будет переходить через железнодорожную линию, — заметил брат. — Школа рядом.

Мы свернули к железнодорожной насыпи, перешли через рельсовые пути и попали в поредевший сосновый лес. Свежий воздух успокаивал, снимал усталость после долгой дороги. Небо на западе светилось чистыми бледно-голубыми и зеленоватыми красками. На нем ярко вспыхивали все новые и новые звезды.

Мы свернули на дорогу, огибающую дачи. Вспомнилось, как много лет назад Витя, Вера и я воскресный день путешествовали по подмосковным

рощам. Нигде еще я не видела такого обилия красных гроздьев рябины и белостольных берез, как здесь. Позднее, уже с Димой и Светой, ходили в Долгопрудном на озера. И всегда я уносила от этого соприкосновения с красотой природы светлое чувство.

Зимой по выходным дням вся семья выходила на лыжах в лес, а летом все вместе отправлялись в поход на велосипедах.

В этот свой последний приезд к брату в Москву не догадывалась я, что жизнь его круто изменилась, что он был зачислен в отряд космонавтов и готовился к полету на космическом корабле «Союз». Перед стартом он скажет журналистам:

— Как только начались космические полеты, мне сразу запала мысль каким-то образом приобщиться к этому очень интересному делу. Долго вынашивал идею... Мне кажется, что профессия космонавта не может не привлекать. Исследование космоса — дело новое и очень интересное. Я полагаю, что мой предстоящий полет в космос для меня логическая необходимость... После гагаринского старта летает уже третье поколение космических кораблей. Я конструктор. Хочу проверить, исследовать бортовые системы различных классов и уровней, а они становятся все сложнее прямо в эксплуатации, в полете. За этим и лечу. Думаю, справлюсь. Готовили меня к этому основательно, теоретически и практически: в школе, в институте, на работе и вот здесь, в нашем отряде...

О том, с каким желанием Виктор хотел поработать в космосе, говорит его заявление Сергею Павловичу Королеву. В то время Виктор был начальником одного из отделов предприятия.

«Прошу Вашего разрешения и ходатайства о включении меня в группу подготовки к космическим полетам.

Участие в разработке бортовых приборов для различных изделий нашего предприятия стало для меня профессией. Буду счастлив принять непосредственное участие в летных испытаниях нашей техники и великим деле освоения космоса. Готов изучить аппаратуру всех систем корабля и тем самым стать полезным участником космического полета. Очень надеюсь, Сергей Павлович, на ваше доверие и помощь».

В верхнем левом углу заявления стояла виза Королева: «т. С. Н. Анохину».

А перед этим был разговор с Сергеем Павловичем. Сам Виктор так его вспоминал:

«Помню, когда Сергей Павлович Королев узнал, что я хочу лететь в космос, спросил: «А зачем? Что вас тянет туда?» Казалось бы, вопрос простой, но ответить было нелегко. Говорю, что у меня есть опыт конструкторской работы, который я хотел бы использовать в космосе. «Опыт?» — переспросил Сергей Павлович и усмехнулся. Наверное, я показался ему очень самоуверенным. «Не то сказал...» — подумал я. Усмешка Королева словно говорила: «Не столько, соколик, у тебя опыта, сколько желания...»

Королев был серьезно обеспокоен тем, что многие молодые способные инженеры отделов подали заявления о зачислении их в отряд космонавтов, и старался удержать их на прежней работе. Но Виктор добился своего.

«...Если вы когда-нибудь услышите чересчур бодрый репортаж о работе экипажа на борту космического корабля или космической станции или прочтете где-то о сверхспособных космонавтах — не верьте этому! — написал в своей книге Георгий Шонин. — Среди наших девизов нет лозунга: «Пришел, увидел, победил!»

Как многие другие профессии, профессия космонавта предполагает огромный труд (и на земле и в космосе), преданность своему делу, способность и готовность пойти на риск.

На этом пути не только победы, но и поражения, и даже трагедии».

Заметим, что это высказывание принадлежит профессиональному летчику, а Виктору только предстояло научиться летать.

Ему, пожалуй, было труднее всех, потому что в отряд космонавтов он прибыл позже остальных. Сколько же потребовалось воли, упорства, чтобы не только добраться товарищей, но и войти в состав стартующего экипажа!

С большой теплотой брат вспоминал тех, кто помог ему стать космонавтом: известных летчиков-испытателей. Сергея Николаевича Анохина и Леонида Михайловича Кувшинова.

Сергей Николаевич рассказывал, что Виктор буквально не щадил себя, стараясь сравняться по программе со всеми. А мне, в свою очередь, вспомнились рассказы брата об этом мужественном, удивительно скромном и

сердечном человеке, о том, как из критических ситуаций, когда отказывал мотор самолета, Анохин все же выходил победителем.

Товарищи по отряду космонавтов отмечают собранность, жесткую внутреннюю самодисциплину в отношении Виктора к самым сложным и серьезным исследованиям.

— Когда Виктор приступил к тренировкам, — вспоминает Евгений Хрунов, — мы сразу увидели, каким до фанатизма упорным, волевым и настойчивым может быть этот молчаливый, мягкий и скромный человек. А скромен он был просто до удивления. Помню, в первые месяцы его пребывания в отряде мне пришлось сидеть с ним недели две за одним столом в столовой. Так вот, за две недели, кроме «здравствуйте» и «до свидания» он не проронил ни слова. Как потом выяснилось, просто потому, что боялся показаться навязчивым. Зато, когда касается дела, тут уж он не стесняется.

Изо дня в день шли тренировки будущего экипажа «Союз-11». Все фазы полета имитировались на многочисленных стендах и тренажерах. Виктор стремился не отставать от товарищей. И если схватывал, то уж навсегда. Ничто не могло выбить его из колеи: ни сложные ситуации, ни нарочно вводимые руководителями тренировок ошибки. Он обязательно находил верный путь, оптимальное решение.

И еще одно качество необычайно привлекает в Пацаева. В работе на тренажерах, конечно, меньше, чем в космосе, но все же очень велико эмоциональное напряжение. От Виктора никто и никогда не слышал резкого слова.

Инструкторы и преподаватели рассказывали, как легко сколачивался и сплачивался в командировках экипаж корабля «Союз-11». Один дополнял другого, обогащал своими знаниями товарища, делал интересной жизнь и работу.

Виктор так объяснял сущность слепанности экипажа:

— Не важно, кто ты, — бортинженер, испытатель, врач, командир экипажа. Если нам суждено работать вместе, мы должны быть самыми близкими людьми. Взаимное доверие, уважение, может, даже восхищение — с этого начинается экипаж. Иначе работать по настоящему немыслимо.

Они рассказывали друг другу о прожитой жизни, зна-

ли вкусы и наклонности каждого, поверяли друг другу мечты. Они давно знали друг о друге то, что впоследствии узнали и донесли до нас журналисты...

Много раз совершали члены экипажа совместные учебные полеты для изучения звездного неба и закрепления навыков астрономических наблюдений в «летающей лаборатории». На ее борту было оборудование, аналогичное тому, которым придется пользоваться в орбитальном полете. И хотя эксперимент проводился не впервые, космонавты не теряли ни минуты: тренировались. Виктор и Владислав, выполнив задачу в салоне, переходили в пилотскую кабину, чтобы подменить правого летчика, поработать со штурманским навигационным оборудованием.

Но вот полет окончен, и космонавты остановились в гостинице поработать и отдохнуть. Уже через несколько часов их комната походила на учебный класс: звездные карты, различные приборы были аккуратно и быстро подготовлены к работе...

Трудовые будни сменялись отдыхом. Но и свободное время члены экипажа предпочитали проводить вместе.

Корреспондент журнала «Крылья Родины» Павел Семенович Старостин рассказывает:

— Как-то в выходной день Виктор Иванович Пацаев повел товарищей посмотреть город, бережно хранивший печать старины. Он рассказывал об особенностях восточной архитектуры, называл даты постройки наиболее красивых мечетей и минаретов:

«Эти здания ужеостояли много веков. Хорошо бы сохранить эту древность еще на несколько тысяч лет. Как будет интересно нашим потомкам сопоставить современность с тем, что создали предки. Да и нам можно кое-что позаимствовать у них...»

И я словно слышу голос Виктора, размышляющего вслух:

«Меня с детства занимала мысль о том, что где-то живут вот такие же, как мы, существа: любят, борются, создают грандиозные сооружения, познают законы природы, рвутся во вселенную. Начитавшись фантастических повестей и романов, я уверовал в возможность существования иных миров. И, понимаешь, чертовски хочется, чтобы они подали о себе какие-то достоверные сигналы. Может быть, из-за толщи атмосферы или из-за Несовершенства наших инструментов мы до сих пор не

можем принять их позывные. Представляешь, какие возможности для исследования вселенной дает орбитальная станция!»

Но до полета на орбитальной станции предстояло пройти долгий путь подготовки. Сначала надо было научиться управлять поршневым самолетом. И в феврале 1968 года Виктор с группой космонавтов прибывает в один из подмосковных авиационно-спортивных клубов. Поселились в гостинице «Советская». В команде был свой врач.

Занятия проходили по специально составленной сжатой программе. День был строго распланирован. Теорию прошли за 25 дней. Виктор получил по теории вождения самолета отличную оценку.

Начинались полеты. Виктор ждал их с нетерпением, но внешне оставался спокойным и собранным.

И вот наступило это необыкновенное, по-весеннему яркое утро десятого мая. Надев комбинезон и шлем, Виктор вместе с инструктором Юрием Владимировичем Громовым сел в кабину самолета ЯК-18. Летели по кругу в радиусе 30 километров. Машину вел Громов. Виктор внимательно следил за его движениями и прислушивался к пояснениям.

В следующий раз он уже сам повел машину.

С каждым новым полетом Виктор все увереннее управлял самолетом: ровнее вел его в воздухе, точнее шел на посадку. А потом было знакомство с фигурами высшего пилотажа: петлей, «бочкой», штопором. Во время выполнения этих фигур нагрузка на организм возрастила в пять раз. Но Виктор успешноправлялся с трудностями, и строгая экзаменационная комиссия оценила его летное мастерство высшим баллом — «отлично».

Одновременно с вождением самолетов будущие космонавты много прыгали с парашютами. Ни с каким ощущением невозможно сравнить этот полет в тишине к раскинувшейся внизу пестрой в своих весенних красках земле.

Но прежде, чем появилось это ощущение свободы и радости полета, пришлось преодолеть не очень уютное чувство скованности, напряженности каждого нерва, каждой клетки организма. Потребовалось немало сил, чтобы преодолеть самого себя и шагнуть в воздушную бездну первый раз. А потом еще и еще...

Родители Виктора — Мария Сергеевна и Иван Пантелейевич.

Пацаевы и Кольцовы. Алга. 1942 год. В первом ряду Витя и Галя Пацаевы.

Виктор — студент индустриального института.

На занятиях в аэроклубе.

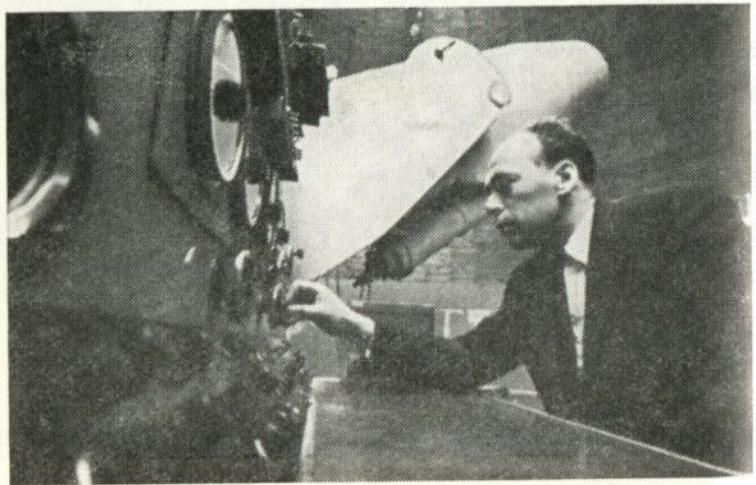

Инструктаж перед полетом.

Вестибулярные пробы.

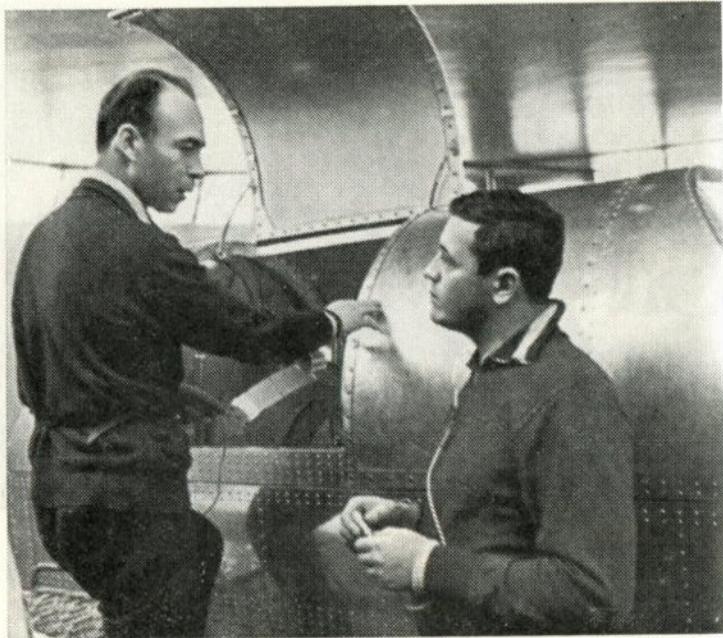

На теоретическом занятии.

Занятия по астрономии.

Идут тренировки. Центрифуга.

У тренажера.

Будущий экипаж «Салюта» после выхода из тренажера.

«Проигрыш» полета в корабле-тренажере.

За просмотром домашней фильмотеки.

Во время отдыха в Крыму.

Дома с детьми.

Вновь обсуждаются детали предстоящих научных исследований в космосе.

Дружеская беседа.

В рабочем кабинете В. И. Ленина.

Экипаж космического корабля «Союз-11» (слева направо): бортинженер Владислав Волков, командир корабля Георгий Добровольский и инженер-испытатель Виктор Пацаев на занятиях перед полетом в космос.

На космодроме Байконур. Июнь 1971 года.

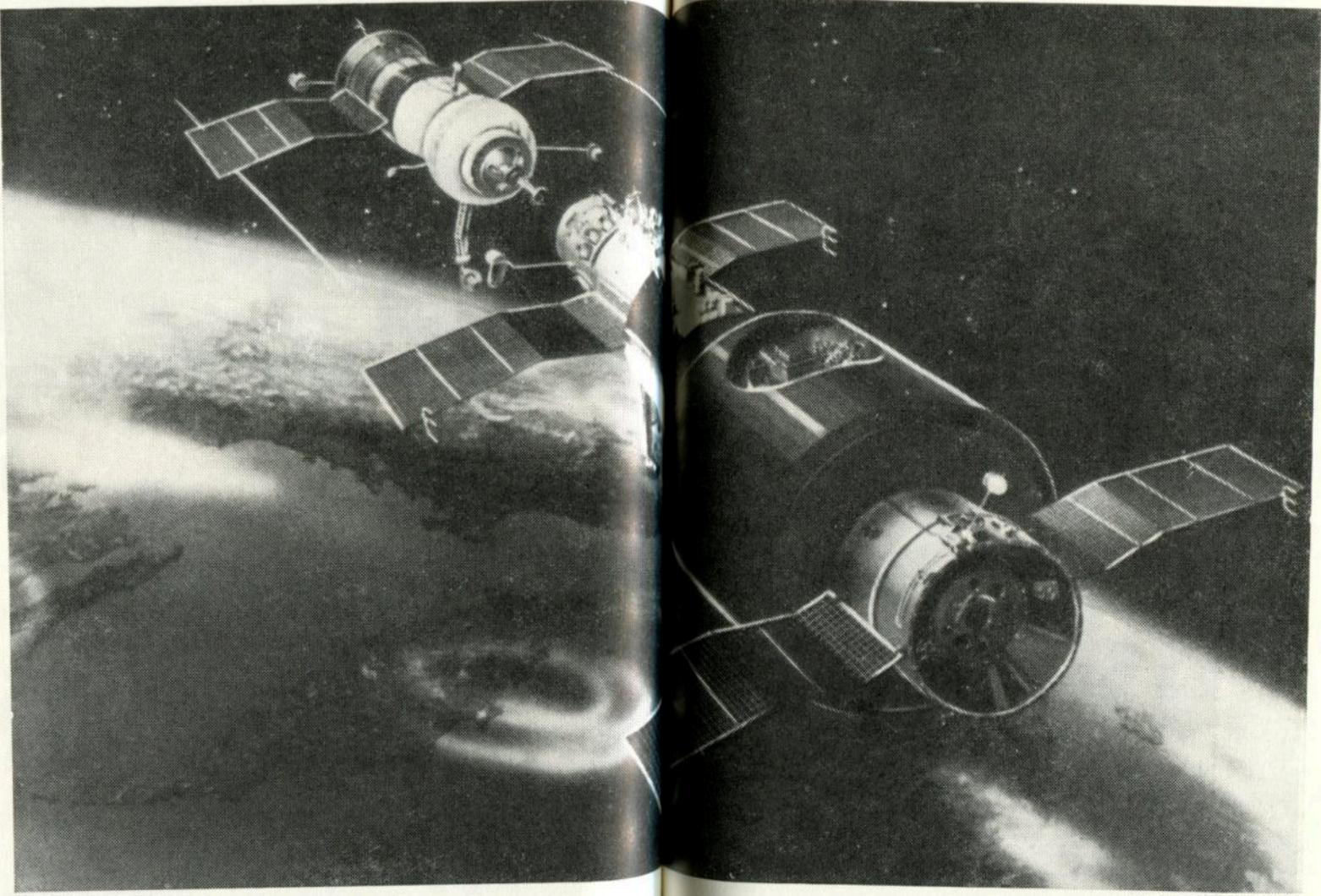
На пресс-конференции перед стартом.

Встреча со стартовой командой на Байконуре.

Последнее прощание с Землей.

Момент состыковки космического корабля «Союз-11»
и станции «Салют».

Открытие памятника Виктору Пацаеву в Актюбинске. Май 1976 года.

Так родилась эта уверенная свобода.

Овладев одной вершиной, Виктор поднимается на другую: учится водить сверхзвуковой реактивный самолет. Полет для Виктора — это не только звенящая песня турбины и безграницный простор. В небе он находил для себя целый мир, полный счастья и волнения. А впереди, словно яркий маяк, светила и помогала преодолевать трудности большая мечта — полет в космос.

За два года подготовки к этому полету Виктор успел многое. Кроме специальных занятий и тренировок, он готовится к поступлению в аспирантуру и успешно сдает кандидатский минимум.

В ЗВЕЗДНОМ

Специальный корреспондент «Красной звезды» Николай Тимофеевич Котыш знал Виктора до полета в космос. Встречался с ним и товарищами Виктора по отряду подготовки космонавтов. Помнит он один недолгий разговор в профилактории Звездного. Сумерничали. Почему-то погас свет, и, как водится в таких случаях, повели разговор о самом памятном событии в жизни.

Павел Попович рассказывал о том, как, будучи в истребительном авиаполку, он встретился с «бесом». В полете его МиГ вдруг закапризничал — не слушается рулей, и все тут. С трудом вернулся на аэродром и сел. Но когда инженеры проверили машину — никаких изъянов не обнаружили. Поднялся Павел вновь на высоту — та же история: несколько минут нормального полета, а затем самолет «клюет» на нос. Опять с трудом приземляется и докладывает, что история с МиГом повторилась. Инженеры и техники вновь проверили истребитель до шплинта. Все в идеальном состоянии. Ситуация для летчика не из приятных. Не то чтобы сомнение в объективности доклада, а какое-то скептическое неверие в мастерство пилота.

Спас престиж летчика командир. Он сам решил подняться в воздух на том же самом непослушном МиГе.

Как решения прокурора, ждал Павел финала полета... И вот истребитель, странно вихляя, идет на посадку... Комполка благополучно приземлился, зарулил и, вылезая из кабины, сказал:

— Летчик прав. Рули на высоте шалят.

В общем, с превеликим трудом, но дефект был обна-

ружен. А над Павлом еще долго подшучивали — мол, на его машине поселился «бес».

Слушая эту историю, все от души смеялись, по-своему комментировали, но Виктор не проронил ни слова. Лишь когда до него дошел черед рассказать «самое-самое», он, как бы желая услышать оценку тому летному событию, спросил:

— Так кому же надо верить — машине или человеку?

Все замолчали. Кто-то, кажется Николаев, неопределенно заметил:

— Сматря с какой стороны подойти к этому...

— С любой стороны.

— Вначале верили машине, а потом мне, — напомнил затеявший разговор Попович.

— Ты, как всегда, мудрствуешь, Витя, — по-дружески упрекнул Пацаева Владислав Волков. — Все в жизни гораздо проще.

— Нет, не так просто. — возразил Виктор. — Вот был у меня случай. Вскоре после института. Пустячную работу выполнил. По моим расчетам, все как нельзя лучше. А проверил старший — не согласен. Допущена неточность. Техника вроде штука весьма конкретная, далекая от абстракции, а тут вроде каждый по-своему размышляет и оценивает.

Все проверил заново, доказательно расписал, как говорится, по нотам. И тут только заметил пустячный сбой. На семь минут работы. Не больше. Все исправил. Доложил. Просиял мой шеф. Смеется. Но мне не до смеха. Готов сквозь землю провалиться. А он говорит: «Не расстраивайся. Я верил не в эту штуковину, — показал на мои расчеты, — а в тебя как инженера. Поэтому и возражал даже по пустякам. Хотя, собственно, в нашем деле пустяков не бывает». Я понимал: это было утешительное слово многоопытного человека. Но знаете, о чем тогда подумал? Верить, верить надо в человека! Даже тогда, когда он сам перестает себе верить. Это не так просто. Ведь когда не ладилось с моими расчетами, рядом стояли такие же, как я, молодые инженеры, и старший мог запросто передать мою работу им. Но как бы потом на меня смотрел и он сам, и эти молодые мои коллеги...

Дали свет. Николай Тимофеевич посмотрел на худощавый профиль Виктора. Говорил он вроде бы спокойно, но, тихо, но волновался, может, как никто другой,

Он вообще запомнился Котышу именно таким — внешне сдержаным, немногословным, вроде бы даже замкнутым, но, случалось, вдруг все, таившееся где-то в глубине, выплескивалось наружу, и тогда настежь открывалась эта богатая, цельная натура.

Как-то Николай Тимофеевич заговорил с Виктором о «старшей группе» космонавтов, об их взаимоотношениях с вновь прибывшими. Виктор, как всегда молча, посмотрел куда-то в сторону, а потом неожиданно спросил:

— Были у вас знакомые, которых бы вы немного побаивались?

— Побаивался? Да, был у нас учитель, физик...

— Нет, учитель — это не то. Вот близкий вам человек, а вы чуточку перед ним робеете... У меня были такие. Приятель в институте. Когда он начинал философствовать о бесконечности мира, о познании вселенной, о том, какой ему видится наша цивилизация через тысячи лет, меня брала оторопь. Я преклонялся перед Лешкой, он был моим кумиром. Вот о какой робости я говорю. Такое, а может, и более сильное первое впечатление произвел на меня Гагарин. Мы с ним впервые встретились на заводе, а потом здесь, в городке. Беседовали. Я о чем-то его расспрашивал. Он отвечал. Но, удивительная вещь, через два месяца, когда я узнал Юрия ближе, это первое чувство начисто испарилось. Не оказалось в нем того загадочно-философского Лешкиного многодумья, которое повергало меня в «жуткий восторг». Нет, здесь все оказалось гораздо проще и яснее. Это прежде всего человек со всем житейским колоритом характера. Оптимизм. Юмор. Прямота суждений. Простота. Смелость. Умение держаться со всеми наравне. И какая-то почти детская непосредственность. Я счастлив, что встретил такого человека.

Потом говорил о Комарове:

— Есть в нем что-то от Королева. Глубина познаний, фанатическая преданность науке, технике.

Совсем коротко о других:

— Андриян Николаев?.. Этого никогда никакая слава не покалечит. Не поддающаяся такой болезни натура.

— ...Паша Попович? По-моему, трудно встретить более веселого, дружелюбного и серьезного человека.

— Елисеев — инженер до мозга костей. Мыслитель. Многому у него учился. И еще у Феоктистова, настоящего ученого.

— Очень уважаю Леонова. Этого тоже слава не покалечит. Честная, открытая душа. Увлеченный. Мечтатель. Оптимист. И трудяга. С его энергией можно горы перевернуть...

Это он о своих коллегах. А что же они могут о нем сказать? Многое забылось, стерлось в горячей текучке повседневщины. Помнится одно: работа, работа, работа. Только в ней, напряженной и безостановочной, всплывают отдельные штрихи его характера.

Павел Попович:

— Знал бы — записал. А так все отрывочно, мимолетно. Помню, какую-то лекцию читал. Без конспекта. Малюсенькая бумажка, куда он заглянул всего раза три-четыре. И речь неторопливая, живая, образная. Так и кажется, боится высокопарного, академического слова. Потом еще что... В беседе никогда никого не перебивал. Любил больше слушать, чем говорить. Однажды лишь сам заговорил первым. Шли мы по городку. Весна, теплынь, вот-вот яблоньки у профилактория зацветут. Остановился он возле яблони, почему-то вздохнул и заговорил о каких-то бузликах: «У нас сейчас их уйма. Сладкие...» Потом пояснил: это луковички подснежников. По весне они просыпаются, набухают соками, и деревенские ребята едят их как лакомство.

Виктор очень скучал по степи, говорил: «Конечно, леса — хорошо; воздух, кислород, озон и все такое. Но в степи дышится легче. Простор!..»

Алексей Леонов:

— Если бы меня спросили, кто самый скромный из всех нас, побывавших в космосе, я бы прежде всего назвал Пацаева. Тут вот какая деталь: не просто человек обесценивает собственное «я». Нет, он знал себе цену, никому не позволял усомниться в своих достоинствах. Тут было нечто иное. И сознание, и вера в себя, в свои силы, и простая русская душа, начисто лишенная тщеславия. И еще уважительность. Он готов был откликнуться на любую просьбу, сделать для человека все, что в его силах. Это, видимо, идет от самобытной цельности натуры. И все же, мне кажется, мы не до конца еще познали пацаевскую натуру. Непонятно, как в нем уживаются два, казалось бы, противоположных начала: до-

ходящая до застенчивости скромность и истинно гражданская смелость. Да еще какая.

Помню, когда мы знакомились с новой космической системой, все были ослеплены ее невероятной сложностью. Познавая технику, открывали ее достоинства и недостатки. О первом говорили все, а о втором упоминали вскользь, не вникая в детали, — то ли еще не разобрались в изъянах до конца, то ли не хотелось, как говорится, портить общего впечатления. И вдруг наш тихий, молчаливый Витя Пацаев говорит с накалом в голосе: «Что же вы молчите, ребята? Тут же кое-что надо менять, усовершенствовать...»

К нему прислушивались, признавали его нешумный, деловой авторитет. Откуда шла смелость мысли и суждений? По-моему, от главного человеческого качества — честности. У Виктора был честный, правдивый взгляд на работу, на взаимоотношения людей, на дружбу. Что еще в нем привлекало? Профессиональная эрудиция. Сильный инженер. Поразительно работоспособен. Всегда мы его видели с книгами. Его очень любил Сергей Павлович Королев. Он говорил нам: «Учитесь терпению у Пацаева».

Валентина Николаева-Терешкова:

— Мало его знала. Встречала редко. Но в памяти отложилось одно: впечатляющая, красивая скромность.

Константин Феоктистов:

— Скромность скромностью, но главное в нем — истинный авторитет инженера. Виктор был предан делу. Работать с ним было легко.

Виталий Севастьянов:

— Мы часто встречались с ним по работе. Главные наши разговоры — об удачах и просчетах на профессиональном поприще. Нет, говорили и о житейских дела, но все это как бы дополняло то самое сущее, чем он жил и ради чего трудился. По-настоящему умел ценить дружбу. Любил делать подарки.

Виктор Горбатко:

— Когда Пацаев начал готовиться к полету, он чаще обычного стал бывать в нашем городке. Но, удивительная вещь, его мало кто замечал. Надо же уметь быть таким инкогнито. Он бывал в профилактории, в столовой, на спортивплощадке, но его присутствие не бросалось в глаза. Он здесь и не здесь. Некоторые на-

ши сотрудники узнали, кто он такой, только после его полета. Словом, не любил быть на виду.

Мне кажется, что они в чем-то были антиподами с Владиславом Волковым. Я часто видел их в скверике Звездного. Порывистый, энергичный Волков бойко жестикулирует — что-то доказывает, Пацаев смотрит под ноги. Но вдруг Виктор поднимает глаза, что-то говорит негромко, но внушительно, и Волков разводит руками: мол, разговор окончен — убедил.

Николай Тимофеевич Котыш заметил, что молчание Виктора не всегда означало согласие. Умел он выслушать до конца, но, если видел чью-то неправоту, умел ее доказать убедительно, аргументированно. И страшно не любил резкости в разговоре. Бывало, кто-то из ребят сорвется, перейдет на высокую ноту, он неожиданно предложит: «Пойдем скучнемся». — «Как скучнемся? Зачем?» — «Ну, чтобы отыскать немногого». Смех.

Разрядка.

В предстартовую весну Виктор пишет маме: «У нас все в порядке. Дети здоровы, мы тоже. Третью четверть в школе Дима закончил без троек, Светланка — на пятерки, как всегда».

А через месяц к Виктору заехал в гости давний друг Иван Петрович Половина, теперь уже доктор географических наук.

«12 мая мы беседовали с Виктором до полночи, — пишет Половина маме, — обсуждали некоторые проблемы космической метеорологии. Он просил меня написать программу наблюдений за метеорологическими объектами из космоса.

На другой день я рано утром уехал, а он отправился на сборы (я догадался после) перед полетом.

Виктор не без оснований верил, что может выполнить большую работу, потому что был первоклассным инженером наземного космоса и считал полет в космос своим долгом».

* * *

Виктор уже был на пороге космоса, а предпоследнее письмо маме от 19 мая наполнено обычными заботами, спокойно:

«У нас, в общем, дела идут неплохо, если не считать того, что мы потихоньку переболели чем мог... Сам тоже чуть не заболел, но вовремя принял меры. На раз

боту не хожу уже неделю, еле управляюсь с домашними делами и больными.

...в пятницу, наверное, поеду опять в очередную командировку...»

КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ

На космическом корабле «Союз-11» они летели втроем: командир корабля Георгий Добровольский, бортинженер Владислав Волков и Виктор как инженер-испытатель. Каждый отвечал за работу и жизнь своих товарищей. Это чувство ответственности необыкновенно сплотило их.

Георгий Добровольский

На космодроме за пять дней до старта ему исполнилось сорок три года.

Когда на Байконуре журналисты пришли поздравлять его, завязалась беседа. Посыпались вопросы: «Как стал летчиком?», «Как попал в космонавты?» Почувствовав, что от ответа не уйти, Георгий улыбнулся:

— Братцы, честное слово, я никогда не думал, что стану космонавтом.

— Даже и «не примерял» себя после полета Гагарина? — удивился один из газетчиков.

— Ей-богу, нет. Думал, что вся жизнь моя будет связана с авиацией. Я окончил Чугуевское авиационное училище. Стал старшим летчиком, потом командиром звена, заместителем командира эскадрильи. Заочно окончил военно-воздушную академию. Вдруг вызывают меня к командующему. Едва захожу в кабинет, генерал задает вопрос:

— Как у вас здоровье?

— Здоровье хорошее, не жалуюсь. Готов выполнить любое ваше приказание.

— А вот сейчас услышите и откажетесь. В космос хотите лететь?

Я «заглох», как говорят летчики. Что угодно мог ожидать, только не этого.

— Ну что с вами? — спрашивает командующий. — Согласны или подумать надо?

— Согласен! Думать не надо. Я просто не могу сказать в ответ ничего, настолько рад и счастлив.

И Георгий Добровольский смеется. Смеется так, как может смеяться только он один.

О годах тренировок Добровольского в отряде космонавтов хорошо рассказал Евгений Хрунов, когда космический корабль «Союз-11» только что вышел на орбиту:

«Георгий Добровольский пришел к нам в 1962 году с должности заместителя командира полка по политической части. Должность замполита в армии требует прежде всего душевной мягкости, точности, деликатности. И в то же время твердости, принципиальности. Такой он и есть. Георгий всегда смотрит прямо в глаза, приятен или неприятен ему разговор. Вот эта прямота и подкупает.

В работе на тренажерах Добровольский был прямо-таки беспощаден к себе. Но что интересно: не любил простых, понятных задач. Скучет, делает добросовестно, но без вдохновения, что ли. А вот если проблема с закавыкой, если есть над чем поломать голову — вот тогда и блеск в глазах, и улыбка, и творческий порыв.

Долго ждал Георгий своего звездного часа. Трудно ли это? По себе знаю — очень. Тренируясь сам, он помогал всем, кто готовился в полет. И его совет всегда был кстати. Он участвовал в организации полетов чуть ли не всех «Союзов». И тренировался, тренировался... Помню, как в кругу своих друзей он говорил:

— Я не мыслю своей жизни без полетов. А космический полет, мне кажется, — это бой, где в сравнительно короткое время надо отдать опыт, все силы, все свои знания, накопленные жизнью. Для тех, кто умеет и хочет отдать всего себя в таком бою, космос — самое подходящее место.

В ночь перед стартом состоялся последний разговор журналистов с ним.

— Георгий, волнуетесь?

— Да... — последовал быстрый ответ. После паузы он пояснил: — Все время думаешь только о старте, о полете, экспериментах. Когда Юрий Гагарин первым ушел в космос, вообще не было известно, сможет ли человек нормально работать и жить в невесомости. Затем наступило время более длительных экспериментов. Встала проблема адаптации человека в космическом полете. В рейсе Андрияна Николаева и Виталия

Севастьянова было положено успешное начало решению важного вопроса — реадаптации космонавтов. Они вынуждены были как бы заново привыкать к миру земной тяжести. Мы готовили себя ко всяким неожиданностям, но, честно говоря, волнуюсь, как перед встречей с грозным противником. Космос не прощает мелочей...

О Викторе он сказал:

— Очень рад, что лечу сам. Но вдвойне рад тому, что в экипаже есть Виктор. Это человек, которому можно доверять, как самому себе, и даже больше. Есть выражение: «Я бы пошел с ним в разведку». Так вот с Виктором Пацаевым не страшно идти в любую разведку: и на Земле, и в космосе.

Владислав Волков

Интересным, разносторонним человеком был Владислав Волков. Он любил жизнь и спешил ей навстречу. Он многое успел в свои тридцать пять лет. Возможно, он стал бы отличным конструктором самолетов. В это верили и его преподаватели в институте, и отец. Он мечтал летать на реактивных самолетах и добился своего.

Он увлекался различными видами спорта: боксом, футболом, хоккеем, баскетболом, волейболом, альпинизмом, плаванием. И в каждом — высокие результаты.

При желании Владислава ожидало бы поприще актера. В институтском театре с его артистичной внешностью и даром перевоплощения он был на главных ролях.

Но он стал космонавтом и журналистом.

— Кем быть? Ответить на этот вопрос порой совсем не просто, — говорил Волков. — Порой молодому человеку нравятся профессии совершенно различные: инженера-строителя и врача, агронома и химика. Я не осуждаю тех, кто колеблется. В семнадцать-восемнадцать лет наметить себе путь в жизни, выбрать работу, которую можно было бы любить всегда, очень и очень трудно. А мне просто повезло. Увлеченность моих родителей передалась и мне.

Жили Волковы неподалеку от московского аэродрома Тушино. Детство Владислава прошло под грохотом авиационных моторов. Дома только и разговоров было,

что о самолетах. А парады, знаменитые воздушные парады! Владиславу было одиннадцать лет, когда он увидел первый послевоенный воздушный парад. Сверкая на солнце, совершили каскады фигур первые реактивные... Отец Владислава, Николай Григорьевич, строил самолеты. В свободное от работы время он рассказывал сыновьям о стремительных воздушных лайнерах.

Потом Волков вспомнит:

— Я мечтал стать испытателем. Конечно, самых новых самолетов. Этот выбор я сделал для себя еще в детстве.

Как-то отец после долгого разговора с Владиславом, убедившись, что мечта сына о небе не пустая мальчишеская затея, твердо сказал:

— Но запомни, Владислав, одно: за мечту, чтобы она стала явью, надо бороться, бороться со всей силой, какая только есть. И эта сила — знание, энергия и воля.

— Хорошо, папа, — ответил сын.

Ольга Михайловна, мать Владислава, тоже работала в авиапромышленности. Ее брат, Петр Котов, бывший фронтовой летчик, часто появлялся у Волковых. Грудь его украшали ордена. Он знал о страстном желании Владислава летать на самолетах, но рассудил по-иному:

— Летать — дело немудреное. Хорошо летать — это, брат, посложнее. А вот испытателем стать по нынешним временам совсем не просто. Начинать надо не с того, чтобы учиться летать. Будешь очень хотеть, это от тебя не уйдет. Прежде надо познать науку. И не одну, а самые разные. Без них ты воздушный извозчик, а не испытатель.

Не один день думал Владислав над советом дяди, и решил, что он прав. И вот Волков поступает в Московский авиационный институт, тот самый, что когда-то окончил и его отец. Студенческий коллектив «маивцев» был очень дружный, жизнерадостный. В институте студенты получали хорошую спортивную закалку и приобретали отличные инженерные знания. Окружающая обстановка наложила отпечаток и на Владислава. Заводила, добрый товарищ, он был мастером и посмеяться, и на гитаре сыграть, успевал и в науках, и в самодеятельности, и в спорте. Товарищи звали его просто Вадимом.

Но вот институт окончен, и Волков приходит в конструкторское бюро, где рождаются образцы новой космической техники. Потянулись годы напряженного, но удивительно интересного труда.

Позднее он скажет:

— Счастлив, что корабль «Восток», на котором Юрий Гагарин проложил первую трассу в космосе, и в более совершенный корабль «Восход» вложена частичка моего труда.

Годы учебы не потушили у Волкова желания научиться летать. По рекомендации известного летчика-испытателя Сергея Николаевича Анохина, человека исключительной преданности авиации, Волков поступает в Коломенский аэроклуб. Нелегко после работы колесить на всех видах городского и загородного транспорта, добираясь в аэроклуб. Но Владислав привык доводить начатое до конца. Аэроклуб он закончил. Как-то после полета на поршневом Яке он сказал инструктору:

— Буду летать и на реактивных. Буду!

Сказал и добился своего. Сбылась мечта детства.

— Полеты на реактивных — одно удовольствие, — рассказывает Владислав. — Они требуют от человека отличного знания машины при быстроте реакции...

В августе 1962 года, когда в космос один за другим уходят корабли «Восток-3» и «Восток-4», Владислав впервые попал на космодром Байконур.

— Это удивительное зрелище, — вспоминает он. — Здесь отчетливо представляешь себе все величие того, что рождается вначале на ватмане, а потом воплощается в металле. И хотя твой вклад может быть незначительным, тем не менее сердце преисполнено гордости, что ты причастен к великому делу покорения природы.

Через два года совершил орбитальный полет корабль «Восход». В его экипаже был ученый К. П. Феоктистов. С этого времени стало ясно — путь ученым и инженерам в космос открыт.

Волков, как и другие молодые ребята с предприятия, сам искал пути в кабину космического корабля. Хорошая спортивная подготовка помогла ему пройти все сложные медицинские комиссии. Но вдруг Владислав узнает, что в список кандидатов в космонавты его не включили. Тотчас он пошел жаловаться Главному

конструктору. Тот, выслушав все его обиды, спокойно ответил:

— Молод еще, успеешь... Не всем же летать на космических кораблях. Должен же кто-то их делать...

Владислав убеждал, доказывал, спорил. И добился-таки своего: его допустили к тренировкам.

А будни оказались труднее экзамена. Каждый день предстояли тренировки на специальных стендах и установках, прыжки с парашютом на землю и в воду, полеты на реактивных самолетах, изучение космической техники...

Первый звездный полет произвел на Владислава сильное впечатление. Наша планета предстала перед ним в сияющей красоте.

— Рассказать просто невозможно. Трудно даже слова подобрать, — делился впечатлениями космонавт после полета. — Все это нужно видеть самому. Как на полотнах Рериха — неописуемые краски.

Ну слетал раз, можно и остановиться. Нет, это не для Волкова. Покой для него — самое страшное.

Космонавт Хрунов говорит: «Тот, кто однажды связал себя с космосом, кто своими глазами увидел неземные его краски, его бескрайность и бесконечность, тот будет отчаянно мечтать о новом свидании с ним. Так случилось и с Волковым».

Свой главный жизненный принцип Владислав формулировал так: «Бесконечно работать, искать полезное во всем, не отступать перед трудностями».

Он постоянно торопил жизнь...

НА КОСМОДРОМЕ

Только недавно здесь зеленела весенняя степь, а к началу лета она уже навевала грусть своим бурным однообразием. Но в городе пустыня уступила человеку, смягчила свое знойное дыхание.

В парке и на улицах чистого, уютного городка много цветов. Перед гостиницей «Космонавт» благоухают пышные розы.

На столе Государственной комиссии в вазах тоже розы. Сегодня здесь торжественно и строго. Оценивается готовность всех служб ракеты космического корабля «Союз-11» к старту, утверждается состав экипажа...

Специальный корреспондент «Красной звезды» Михаил Федорович Ребров рассказывает, что навсегда в его память врезалось впечатление этих решающих дней перед полетом трех «янтарей»:

— Чувствовалась особая сдержанность и внутренняя напряженность всего экипажа. До решения Государственной комиссии ни Георгий Добровольский, ни Владислав Волков, ни Виктор Пацаев, ни мы, журналисты, не знали, какому экипажу будет отдано предпочтение. Ребята старались не выдать своих чувств. И каким неудержимым счастьем засветились их лица, когда стало ясно, что выполнение важного эксперимента на первой орбитальной станции выпало на долю именно их экипажа!

Нам, журналистам, эти ребята были менее известны, чем другие в отряде космонавтов. Хотелось поговорить с ними в неофициальной обстановке. В переполненном зале завязать непринужденный разговор было трудно. Кто-то из нас огорченно заметил:

— Нет, в такой обстановке беседовать нельзя...

Волков моментально откликнулся:

— Пойдемте на улицу!

Выходя из душного зала на свежий воздух, мы облегченно вздохнули. Наступал вечер. Потянуло спасительной прохладой. Будущие космонавты сели на скамейку, сняли галстуки, расстегнули вороты белоснежных сорочек. А мы окружили их. Кто сел рядом, кто промстился прямо на траве. Ребята начали рассказывать о себе. Мы молча слушали, давая им возможность высказаться. А они от воспоминаний о детстве переходили к последним дням тренировок и неожиданно вновь возвращались к дорогим воспоминаниям ребяческой поры.

Виктор рассказывал о Королеве.

Незаметно прошло полтора часа. О предстоящем старте как будто все забыли. И вдруг Виктор толкнул Добровольского в бок:

— Ой, братцы, мы заговорились. Нам ведь еще документацию к полету готовить надо!

Все мигом спохватились. Виктор, убедившись, что поблизости нет никого из руководителей полетом, попросил сигарету:

— Курнуть что-то захотелось!

Сразу же протянулось множество рук с пачками сигарет.

Виктор даже растерялся:

— Что вы, ребята, нам одну на троих...
Так и выкурили трое одну сигарету.

На следующий день состоялась встреча экипажа со стартовой командой. И снова ребята были такими же подтянутыми, строгими, как и на заседании Госкомиссии. Невдалеке клубилась шлейфами испаряющегося кислорода и дышала прохладой ракеты.

Рабочие заверили:

— Экипаж может лететь: ракета к старту готова. Комсомольцы дают гарантию, что все сделано безукоризненно. Недавно прошел последний сеанс связи с орбитальной станцией. И там все нормально.

Добровольский и Виктор ловили каждое слово. Взволнованно молчали. Волкову предстояло лететь уже во второй раз, и чувствовал он себя свободнее — улыбался, шутил.

Кто-то прочитал свои стихи.

Космонавты совершили круг почета. Им бросали цветы...

Мы не видели членов экипажа уже до самого старта, но побывали в их комнате в гостинице «Космонавт». В небольшой восемнадцатиметровой комнате стояли три кровати, возле каждой — тумбочка, трельяж, шкаф. По-средине стол, покрытый белоснежной скатертью, стулья. Домашний уют придавали помещению три букетика полевых цветов, собранных космонавтами, очевидно, в окрестностях городка.

Здесь же стоял и холодильник с минеральной водой. Но врачи, опасаясь простуды, запретили космонавтам пить воду со льдом. Для них стоял графин с теплой.

Старт был назначен на утро 6 июня. День обещал быть солнечным, жарким. Космонавты вышли из автобуса в серых шерстяных костюмах. Все трое в пилотках. Четким шагом направились они к председателю Государственной комиссии. Лаконичный рапорт командира корабля Георгия Тимофеевича Добровольского. Затем краткое сердечное напутствие руководителей полета. И вот космонавты двинулись к ракете вдоль коридора из корреспондентов и стартовиков. На всем пути их со-

проводжал стрекот кинокамер, щелканье фотоаппаратов и разноголосый хор добрых пожеланий.

Командир корабля Добровольский произносит заявление перед стартом:

— Дорогие товарищи, когда я ехал сюда, у меня была заготовлена длинная речь, но когда я увидел ваши теплые глаза, ласковые лица, мне чисто по-человечески захотелось сказать вам: большое спасибо! Низкий поклон вам за ваше внимание, за вашу самоотверженную и большую работу. То доверие, которое оказано нам партией и правительством, оказано вами, мы оправдаем. Приложим все силы, старание и умение. Здоровья, счастья и успеха вам в вашей трудной, но почетной работе!

Перед входом в лифт Добровольский успокаивал всех, кто оставался на Земле:

— Не волнуйтесь, все будет нормально, все будет нормально!

За спиной экипажа клубятся шлейфы испаряющегося кислорода. Лифт уносит космонавтов к самой вершине ракеты. Три фигурки показываются на верхней площадке ферм обслуживания и дружно машут пилотками. Это их последние взгляды на Землю перед стартом. Наверху уже только две фигурки. Это Добровольский и Виктор. Волков уже сел в корабль. Все. Исчезли машущие фигурки. Люк захлопнут. Связь только по радиоканалу. Позывной экипажа «Союз-11» — «Янтарь». До старта остается меньше получаса. Члены Государственной комиссии, конструкторы, ученые, специалисты, журналисты переезжают на наблюдательный пункт. Ракета теперь километрах в двух. На экране телевизоров видны Добровольский и Виктор. Кресла Волкова телекамера не захватывает.

— «Янтарь», я — «Заря», как слышите?

— У вас все параметры в норме, — разговаривает с «янтарями» Алексей Леонов.

И вот приближается самый ответственный момент. «Готовность — пять минут», — гремит радио.

Неожиданно звучит резкая команда: «Пуск!» Потом долго еще тянутся томительные последние минуты.

Наконец: «Есть зажигание!» Под ракетой краснеет. Показывается дымок, фермы обслуживания, словно лепестки огромного тюльпана, разошлись в стороны и выпустили на свободу белую стройную ракету. Мгно-

венье — она уже превратилась в белую точку, которая постепенно приобретает красноватый цвет.

Корабль идет устойчиво. Перегрузки плавно нарастают. На борту все в норме — докладывает экипаж.

...Двигатели выключились. На борту невесомость. Корабль «Союз-11» начал свой первый орбитальный виток.

В ДНИ ПОЛЕТА

6 июня было воскресным днем. Отчим с зарею, взяв удочки, ушел рыбачить на Воложку. Мама, убрав квартиру, вышла в сад. Нарвала укроп для борща и вернулась в кухню. Ее насторожил торжественный голос диктора, передававшего сообщение ТАСС:

«В соответствии с программой исследования околоzemного космического пространства 6 июня 1971 года в 7 часов 55 минут по московскому времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-11», в 8 часов 04 минуты корабль «Союз-11» выведен на расчетную орбиту спутника Земли.

Космический корабль pilotирует экипаж в составе командира корабля подполковника Добровольского Героя Тимофеевича, бортинженера Героя Советского Союза летчика-космонавта Волкова Владислава Николаевича и инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича...»

Мама вскрикнула.

На крик прибежала соседка:

— Ты что, Мария Сергеевна, кричала?

— Витя... Сынок мой в космосе...

Обнялись женщины и заплакали. Это были слезы радости, гордости и бесконечной материнской тревоги.

В одиннадцать часов утра пришел с рыбалки отчим. И мама к нему, прямо с крылечка:

— Ой, отец, сегодня такой день!..

— Что случилось?.. — забеспокоился он.

— Витя наш в космосе!..

Отчим машинально сел за круглый стол перед динамиком (как раз передавали очередное сообщение ТАСС о полете «Союза-11»), на глазах его появились слезы: как-никак двадцать пять лет прошло с тех пор, как он заменил Виктору погибшего отца.

Наутро мама увидела на стене дома доску: «Здесь живут родители летчика-космонавта Виктора Ивановича Пацаева».

Утром из Куйбышева приехали первый секретарь обкома партии Орлов, секретарь Волжского райкома партии Лазарев и председатель райисполкома Чухвичев. Все трое привезли родителям по букету благоухающих роз. Поминутно приходили руководители и рабочие совхоза с поздравлениями. От цветов в квартире стало тесно. Они стояли в вазах и графинах, в банках и ведрах, на столах и на полу.

В Рождественском сельскохозяйственном техникуме состоялся торжественный митинг, посвященный полету в космос земляка Пацаева Виктора Ивановича. Пригласили родителей. Мама рассказала о Викторе.

На митинге было решено послать поздравительную телеграмму Виктору Ивановичу на борт орбитальной станции «Салют»:

«Космос, орбитальная научная станция «Салют». Жители села Рождествено, где проживают Ваши родители, Мария Сергеевна и Иван Иванович, сердечно поздравляют Вас, Виктор Иванович, и Ваших товарищей с новыми достижениями в освоении космического пространства.

Уверены, что задание партии и правительства выполните с честью.

Ждем и надеемся на встречу в селе Рождествено.

Президиум торжественного митинга села Рождествено».

После митинга маму пригласили на собрание в школу. Здесь приняли ее в почетные пионеры, повязав на груди алый галстук...

В тени деревьев перед террасой дома, где жили родители, накрыли стол. Почтальон принесла газеты и пачку телеграмм. Газеты пошли по рукам. Все живо обсуждали новости дня: удачно прошластыковка космического корабля «Союз-11» с научной орбитальной станцией «Салют», и первым в орбитальную станцию вошел Виктор Иванович... Целый день заходили знакомые и неизвестные люди, поздравляли, делились своими чувствами...

Из Москвы от Веры ежедневно приходили телеграммы:

«Дорогая мамочка Витя просил передать самочувствие отличное работа идет успешно Крепко обнимаем целуем всех Вера».

«Витя просил маму не волноваться спит хорошо аппетит отличный настроение бодрое получил благодарность за хорошую работу Крепко всех целуем Вера».

Чувства тех дней сложно описать. Все мы радовались успехам Виктора, но чаще всего сердце скималось от щемящей тревоги. Мы успели уже привыкнуть к космическим стартам. Освоение космоса стало для нас делом обыденным. И все же каждый раз, когда корабли уносят космонавтов на околоземные орбиты и там заступают они на свою рабочую вахту, невольно охватывает волнение. Став понятием обыденным, космос легче и доступнее не стал. А теперь «там» был мой брат.

В это время я жила в Актюбинске. Сообщение о полетах космического корабля «Союз-11» услыхала по транзисторному приемнику «Альпинист», подаренному мне братом в день рождения. Но батарейки были уже старые, звук слабый, с треском. Фамилии «Добровольский» и «Волков» я услышала ясно, а третью не разобрала. Горячая волна ударила в сердце: «Неужели сказали «Пацаев»? А может, есть еще какой-нибудь Виктор Иванович?»

С этой минуты я уже не знала покоя. Вечером, включив телевизор, еле дождалась информационную программу «Время». После новостей по стране стали на конец говорить о космонавтах. Во весь экран появились портреты Добровольского, Волкова и... Виктора! Я бросилась к экрану и поцеловала брата. Теперь, что бы я ни делала, один вопрос постоянно волновал меня: «Как они?.. Как они там?!!»

Радио, газеты, телевидение приносили добрые вести. Космонавты чувствуют себя хорошо, программу выполняют успешно, руководство довольно работой экипажа и экспериментами инженера-испытателя Виктора Ивановича Пацаева. Радость, большая радость наполняла душу.

Хочется сказать, что, какой бы сложной и ответственной работой Виктор ни был занят, он всегда помнил о маме.

Накануне старта в космос Виктор попросил по телефону Веру вызвать маму в Москву. Необходимо было,

чтобы она находилась под наблюдением врачей. Мама выехала к дню рождения сына — 19 июня. В Звездном городке она услыхала родной голос сына. После короткого делового разговора космонавты поздравили Виктора с днем рождения.

Андрян Николаев сказал:

— Виктор, поздравить тебя приехали сюда мама, жена и дети.

— Большое спасибо!..

— Как там у тебя накрыт стол?

— Стол сервирован отлично... Холодная телятина, цукаты, смородиновый сок в тубах...

— А бутылочку нашли?

Виктор засмеялся.

— Нет, все углы обыскали, но бутылки не нашли. Декатесом для нас явилась луковица, которую Владислав подарил мне. Мы ее разделили на три части.

После переговоров Вера пригласила всех домой на обед. Это был необычный день рождения. Гости пришли, а виновник торжества работал в это время в космосе. Кто-то принес с собою французское виски. Решили бутылку не распечатывать до возвращения Виктора на землю. Только он ступит на порог квартиры — тут ее и открыть! Все задумались: что же на ней написать? И решили: «Витя, ты искал эту бутылку в космосе, а она оказалась на Земле». Вырезали длинную полоску бумаги, все поставили на ней свои подписи и эту полоску приклеили к бутылке — пусть теперь подождет своего хозяина.

КОСМИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ, КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ

Среди потока поздравлений космонавты получили приветствие от Центрального Комитета ВЛКСМ:

«Дорогие товарищи!

Центральный Комитет ВЛКСМ от имени всех комсомольцев и молодежи нашей великой Родины сердечно приветствует и поздравляет вас с успешным прибытием на космическую станцию «Салют» и героической работой по исследованию и освоению космического пространства.

...Советская молодежь восхищена вашим подвигом,

гордится вами — воспитанниками партии, Ленинского комсомола...»

Островком жизни несется в безмолвном космическом пространстве орбитальная станция.

«Янтарь», «Заря». На связь!»

Этой неизменной фразой начинается сеанс связи Центра управления полетом и орбитальной станции.

Но утром 13 июня «янтари», нарушив традицию, сами стали вызывать Землю на связь. Телевизор показал четкое изображение станции.

— Сегодня, в день выборов, — говорит Добровольский, — нам очень хочется быть вместе со своим народом, но мы в космосе и можем только мысленно присоединиться к вам. Всем экипажем мы составили радиограмму, примите ее. Мы голосуем за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за мудрую политику нашей партии.

Уже неделю первый экипаж научной орбитальной станции «Салют» ведет работу на космической орбите. Оценивая итоги этой недели, Константин Феоктистов отметил, что космонавты отлично провелистыковку, переход из космического корабля в орбитальную станцию, расконсервацию научной аппаратуры и с 10 июня начали комплекс научных и народнохозяйственных исследований. Центр управления дает хорошую оценку работе экипажа и состоянию бортовых систем.

Космическая лаборатория, существовавшая когда-то в мечтах ученого К. Э. Циолковского, стала родным домом для космонавтов. Здесь они работали и отдыхали, держали связь с Землей и с радостным волнением наблюдали, как среди царства сложных приборов и автоматики в маленькой «коранжерее» появлялись из семян хибинской капусты, льна и лука-креписа нежно-зеленые ростки. Виктор был «главным агрономом» этого маленького «огорода». На борту орбитальной станции вспомнил он, наверное, и деревца, посаженные им на школьном участке в Нестерове, и свой первый самодельный телескоп.

В профессии космонавта Виктора привлекали романтика научного поиска, познание вселенной новыми методами. На борту «Салюта» он нашел для этого все условия. Ему как инженеру-испытателю первой в мире орбитальной станции посчастливилось стать «первопроходцем» во многих направлениях космонавтики.

Эксперименты на «Салюте» — начало новой главы в астрономии, и Виктору, Владиславу Волкову и Георгию Добровольскому вместе с создателями внеатмосферной обсерватории и самой станции довелось вписать первые строки в нее.

Огромные размеры орбитальной станции позволили разместить на ее борту большое количество научной аппаратуры, с помощью которой космонавты проводили астрофизические наблюдения космоса, изучали гаммаизлучение, проводили исследование радиационной обстановки в околосземном пространстве, изучали направление и энергию потока электронов на высоте 250 километров, проводили спектральный анализ поверхности Земли, медицинские и биологические исследования.

Во время одного из телесеансов экипаж докладывал, что он наблюдает лесные пожары, грозы, тайфуны, пыльные бури. Рассказ был коротким — время на связи драгоценно. Экипажу и Центру управления так много нужно сообщить, что они почти всегда подгоняют друг друга короткими репликами: «Ясно», «Дальше», «Быстрее».

Среди многочисленной научной аппаратуры, с которой Виктор работал, был и телескоп «Орион», с его помощью он, первый из землян, вел наблюдение за звездами из космоса.

«Пожалуй, с тех пор, как Галилей направил в небо первый телескоп, это один из самых революционных шагов в астрономии, — комментирует этот факт специальный корреспондент «Известий» Борис Коновалов. — Пацаеву доверили выполнить то, что задумывалось и создавалось большими коллективами ученых и инженеров, но сейчас именно на него падает самая зримая ответственность за успех экспериментов».

...Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Г. А. Грузадян, директор филиала Бюраканской обсерватории по космическим исследованиям, в которой создавался «Орион», сказал нам, что он очень доволен результатом первого эксперимента. По сообщению Пацаева и показаниям контрольных датчиков, «Орион», два месяца летающий в открытом космосе, работает нормально.

Значит, теперь открыта дорога к изучению звезд, которые излучают в видимом свете лишь проценты

энергии, а остальная — в коротковолновом диапазоне, не проникающем сквозь атмосферу.

В записной книжке Виктора появились записи:

«9 июня 1971 года. На светлой части орбиты звезды почти не видны даже в противосолнечный иллюминатор. Видны только Сириус и Вега. На горизонте при заходе Солнца звезды не мерцают до самого края Земли.

12 июня. Ночью звезды и Земля видны хорошо. Видны облака, ночные города (огни на Земле). Край Земли угадывается по отсутствию звезд.

На заходе и восходе верхние облака на фоне нижних отсвечивают длинными огненными шлейфами. Видны ли звезды днем? Это зависит от высоты Солнца. При угле менее 15° видны крупные звезды и планеты.

13 июня. На противосолнечном иллюминаторе на внутренней поверхности внешнего стекла видна изморозь.

Заметить: 1. У сумки с инструментом длинны ремни (закрывающие ее). Лучше сделать планки.

2. Разъем пылесоса расположен низко — неудобно работать и темно.

14 июня. Работали в режиме закрутки на Солнце. Станция иногда «вздрагивает» — 2—3 слабых толчка. Очевидно, это связано с перетеканием жидкостей.

Заметить: все пульты управления научной аппаратурой надо закрыть предохранительными крышками из оргстекла. Светящиеся частицы часто сопровождают станцию и летят в разных направлениях, это пылинки или мелкие крошки.

15 июня. При низком Солнце (сразу после восхода или перед заходом) Земля в дымке (пелена над поверхностью), хотя и нет видимой облачности. Очевидно, подсвечиваются со стороны какие-то слои атмосферы.

Иногда попадаются громадные облачные поля мозаичной структуры протяженностью не менее 1000 км, например, в 17.40 над 50° южной широты и 350° восточной долготы в океане между Южной Америкой и Южной Африкой; плывущие облака над водой выглядят, как плывущая по воде пена.

Цвет океанов нежно-голубой. Волны почти всегда видны в противосолнечный иллюминатор при высоком Солнце. Видна смутная струя от судов. От самолетов видны инверсионные следы».

Во время телерепортажей Виктор редко появлялся на телевизионном экране: он в это время бывал занят очередным экспериментом. Но он оставил много кино-кадров, на которых заснял своих товарищей за работой.

Виктору, первому из космонавтов, довелось встретить свой день рождения не на Земле, а в полете. 19 июня ему исполнилось тридцать восемь лет. И с этим событием поздравляли его не только мама и родственники, но и вся страна. Добровольский сообщил на Землю:

— Мы ему пытались день физкультуры устроить, дать отдых, но у него много технической работы.

Телевидение и газеты рассказывали землянам о научных экспериментах и хорошем настроении космонавта-25. Виктор был взволнован, благодарил всех за внимание.

А когда телекомментатор Юрий Фокин спросил Виктора: «Чем Вы занимаетесь в свободное от работы время?» — то услышал в ответ: «У нас его очень мало. В свободное время читаем, у нас есть библиотека — Лермонтов, Пушкин, Толстой; слушаем музыку, у нас есть магнитофон».

20 июня в час ночи начался тысячный виток станции «Салют». Летчик-космонавт Алексей Станиславович Елисеев так оценил работу экипажа станции:

— Если одним словом, то на «отлично». Экипаж успешно выполняет намеченную программу экспериментов: технических, имеющих большое значение для дальнейшего совершенствования космических аппаратов; медицинских, позволяющих изучить влияние факторов полета на человеческий организм: научных, а также исследований, направленных на решение народнохозяйственных задач. Полет еще не завершен, но объем информации, переданной с борта «Салюта», больше чем Земля получила за время любого из предыдущих космических рейсов.

У них очень теплая, дружеская атмосфера. Очень весело они отпраздновали день рождения Пацаева. Тайком от медиков «протащили» на борт луковицу, лимон и устроили Виктору приятный сюрприз. Многие эксперименты они проводят вдвоем или даже втроем и действуют четко. Люди они по характеру разные, и, конечно, во время сеансов связи это проявляется. Пацаев го-

ворит, как правило, очень мало, мы его почти не слышим. Он только сообщает, что провел такой-то эксперимент, или просит проконсультировать его, сообщить какие-то данные для работы.

Волков чаще всего бывает на связи и больше всех проявляет эмоций. Он не только успевает поговорить по делу, но и узнать футбольные новости, передать приветы, поинтересоваться погодой у нас. Это вполне в его духе — он и на Земле такой же общительный.

Добровольский в эмоциональном плане примерно посередине между своими товарищами. Говорит всегда спокойно, уверенно.

Пролетая над океанами и материками, экипаж орбитальной станции «Салют» посыпал свои приветствия народам Африки и Азии, Латинской Америки и Австралии... Трех советских людей, трех «янтарей» интересовало все, чем жила в эти дни их планета.

21 июня 1971 года в Ленинграде проходил V Всесоюзный съезд метеорологов. От имени экипажа космического корабля «Союз-11» в адрес съезда пришла радиограмма:

Ваш юбилейный квorum должен
Раскрыть немало тайн природы,
Работать можете спокойно,
А мы посмотрим за погодой.

Автором этого пожелания, проникнутого теплым юмором, был Виктор.

А этот день был отмечен черной памятью войны — 22 июня. Виктор не мог забыть, как вошло это страшное событие в родной дом, ворвалось в его детство. Отец был в командировке в дальнем селе района. Из военкомата за ним послали нарочного. И вот он, Витя, провожает отца с воинским эшелоном на фронт... И никогда уже больше он его не увидел.

Много тяжелых воспоминаний принес этот день и Георгию Добровольскому. Пятнадцатилетним мальчиком попал он в фашистские застенки...

И поэтому спустя ровно тридцать лет после того страшного дня 1941 года тревожно и горячо зазвучат слова экипажа орбитальной станции «Салют», обращенные к ветеранам Великой Отечественной войны, ко всем гражданам земного шара:

«Вот уже более двух недель мы находимся в просторах космического океана и убедились, насколько прекрасна наша небольшая бело-голубая планета.

Не укладывается даже в мыслях, что на этой планете может быть война, несущая горе миллионам людей. С борта орбитальной станции «Салют» призываем еще теснее сплотить ряды борцов за мир, раз и навсегда сказать «нет» войне».

Больше трех недель прошло с тех пор, как с вершины ракеты попрощались космонавты с товарищами, проводившими их в космос. С тех пор мы видели их только на телевизионных экранах, слышали знакомые голоса сквозь треск эфирных помех — чаще всего деловые доклады, иногда скучные рассказы о жизни в звездном доме и почти в каждом сеансе связи успокаивающее: на борту все нормально. Чувство юмора ни на минуту не покидало экипаж. Очень точно подметил один из врачей: «Хотя экипаж янтарный, ребята в нем золотые».

ГОРДИМСЯ ПОДВИГОМ ВАШЕГО СЫНА

И погаснут миры,
И возникнут миры...
Но одно лишь известно:
Мы состаримся,
Мы будем жить до поры,
А они будут вечны.

Роберт Рождественский

В дни полета Виктора на орбитальной станции родители получили много поздравительных телеграмм.

«Уважаемые Мария Сергеевна, Иван Иванович! Актибинский обком Компартии Казахстана, облисполком горячо поздравляют вас с героическим подвигом вашего сына — нашего земляка актибина Виктора Ивановича Пацаева, выполняющего в эти дни ответственное задание партии и правительства в составе экипажа орбитальной научной станции «Салют». Сердечно благодарим вас за воспитание замечательного патриота нашей великой Родины. Желаем вам крепкого здоровья, долгих лет жизни вашему сыну, нашему славному земляку Виктору Ивановичу — успешного выполнения программы научно-технических исследований,

благополучного возвращения на родную советскую землю».

В письмах люди рассказывали, когда и где застало их известие о полете Виктора.

«В июне мы были на экскурсии в столице Казахстана Алма-Ате, — писали школьники Актюбинской 469-й железнодорожной школы. — Воскресным утром любовались красотой парка имени Горького. Наше внимание привлекли позывные Москвы и торжественный голос диктора. Невольно насторожились. Передавалось сообщение о полете космического корабля «Союз-11» с тремя космонавтами на борту. Один из них был наш земляк. Эта весть взволновала нас и обрадовала.

Когда на следующее утро мы открыли газеты, то увидели знакомое лицо Владислава Николаевича Волкова, портреты Георгия Тимофеевича Добропольского и Виктора Ивановича Пацаева. Велико было чувство радости и гордости от того, что в космосе работал наш земляк — Виктор Иванович Пацаев. Потом мы узнали, что пребывание и учеба в Актюбинске будущего космонавта были связаны с нашей железнодорожной школой и интернатом. Сразу же мы начали поиски материалов».

Жена Виктора, Вера Александровна, передала Актюбинскому областному краеведческому музею его личные вещи.

— Виктор Иванович мечтал после полета в космос побывать в Актюбинске, — сказала она. — Он гордился своей родиной. Поэтому самое дорогое, что есть в нашей семье — его вещи, — должны находиться на его родине. Сюда я привезла его костюм космонавта, в котором он тренировался, готовясь к длительному полету. Точно в таком же костюме он работал в орбитальной станции. Вот эту эмблему космонавта, сделанную по рисунку Леонова, я пришивала к его костюму. И кажется, что костюм еще хранит частицу его тепла.

Сюда я привезла ряд вещей Виктора Ивановича. Эти вещи подчеркивают самое главное, что было в характере вашего земляка.

У Виктора Ивановича была целая библиотека, потому что профессия космонавта — ведь это необычная профессия. Надо было знать очень много других смежных дисциплин, имеющих совершенно самостоятельное значение и, казалось бы, даже нисколько не связанных

с его профессией инженера. Это и космическая навигация, и метеорология, и астрофизика. Готовясь к полету, Виктор Иванович работал со своими друзьями по четырнадцать часов в сутки.

Я привезла всего две книги из его библиотеки. Это книга по управлению полетом космических аппаратов, с которой он работал. Знание навигации характерно для профессии космонавта, и не просто навигации, а космической навигации. Готовясь к этому полету, он исписал сотни листов бумаги, потому что надо было проработать тома инструкций, много специальных книг, и вот черновик записей, которые он делал перед полетом. А вот ручка, которой он работал. У вас в музее будут лежать эта книга, этот листок и эта ручка, как будто Виктор Иванович только что вышел из-за стола.

Вторая книга, которую я привезла, подчеркивает его колоссальное трудолюбие и тот огромный диапазон знаний, который надо иметь, чтобы быть космонавтом. Виктор Иванович в школе и институте учил немецкий язык. Но для научной работы ему понадобилось знание английского языка. Он взял сложнейшую книгу в смысле темы — «Исследования космоса и эксперименты», книгу-оригинал, без адаптации, и стал с ней работать. Он совершенно не знал языка, он выписывал каждое слово и сделал себе три толстенных блокнота-словаря. Он сдал экзамен по английскому языку и с тех пор знал этот язык совершенно достаточно для своей научной работы.

Вот эти две вещи характеризуют его огромное трудолюбие и чувство ответственности. Он не мог кое-как относиться к делу, каким бы это дело ни было: сдача экзамена, или изучение английского языка, или даже политинформация, которую каждому приходилось, по-видимому, делать. Он сидел ночью и составлял конспекты. Самым подробным образом делал конспект той беседы, которая отнимала у него всего десять-пятнадцать минут.

Вот это карта звездного неба, которую он всегда носил с собой, потому что ему надо было знать звездное небо, как свой дом, свободно ориентироваться в нем. Это нужно было и для управления космическим кораблем, и для опытов по астрофизике, которые он проводил с телескопом. Он был первым человеком, который за пределами атмосферы работал с телескопом.

А вот это очень дорогая мне фотография: в самый последний момент перед отлетом были сняты члены экипажа. Это был замечательный экипаж: очень дружные, сердечные и, главное, очень знающие люди.

Мы вместе со всем народом гордимся этими ребятами. Гордимся тем, что, несмотря на большие трудности, на тяжелые условия невесомости, в которых члены экипажа работали двадцать четыре дня, они полностью выполнили научную программу, и в этом состоит их подвиг, их героизм.

Они возвращались на родную Землю. Она ждала трех своих отважных сыновей. И у порога родного земного дома внезапная смерть остановила сердца бесконечно дорогих нам людей: командира корабля Георгия Тимофеевича Добропольского, бортинженера Владислава Николаевича Волкова и инженера-испытателя Виктора Ивановича Пацаева.

Как было установлено, произошла разгерметизация космического корабля.

Но дело трех «янтарей» не погибло. Они доставили с собой на Землю зафиксированную в бортжурналах и кинопленках огромную исследовательскую работу, проведенную за двадцать четыре дня на борту орбитальной станции «Салют». Эта работа положила начало нового направления в развитии космонавтики.

Имена членов первого экипажа орбитальной станции «Салют» навсегда вошли в историю космонавтики. Дело их успешно продолжают товарищи. Оно служит миру и счастью народов на Земле. Все новые и новые космические корабли и орбитальные станции исследуют вселенную. Но имена первопроходцев ее никогда не будут забыты.

СОДЕРЖАНИЕ

Среди родных просторов	9
А завтра снова будет бой...	27
Жить увлеченно!	45
Планета на ладонях	89

Пацаева Г. И.

П21 Отвага исканий. М., «Молодая гвардия», 1976.
128 с. с ил.

Сестра космонавта Виктора Пацаева рассказывает о детстве брата, которое прошло среди раздолья казахских степей, о школьных годах в Актибинске, об учебе в Пензенском индустриальном институте, о близких и друзьях брата той поры, о его увлечениях, мечтах и стремлениях, которые помогли ему осуществить мечту об исследовании Земли из космоса.

Галина Пацаева встречалась с товарищами Виктора по отряду космонавтов. Они поделились воспоминаниями о том времени, когда Виктор Пацаев начал тренировки в «Звездном», подготовку и осуществление интересного эксперимента на борту первой в истории космонавтики орбитальной станции «Салют». О подвиге командира корабля Георгия Тимофеевича Добропольского, бортинженера Владислава Николаевича Волкова и инженера-испытателя Виктора Ивановича Пацаева.

П 30901—325
078(02)—76 122—76

6Т6(09)

Галина Ивановна Пацаева
ОТВАГА ИСКАНИЙ

Редактор Л. Барыкина
Художник Э. Шагеев
Художественный редактор К. Фадин
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры К. Пиликова, Л. Четыркина

Сдано в набор 13/VII 1976 г. Подписано к печати 29/XI 1976 г.
А05217. Формат 84×108^{1/3}. Бумага № 1. Печ. л. 4 (усл. л. 6,72). +
+ 8 вкл. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 100 000 экз. Цена 29 коп. Т. П.
1976 г., № 122. Заказ 1284.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

КНИГИ
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
О КОСМОСЕ И КОСМОНАВТАХ

- «Шаги к звездам». Сборник под редакцией проф. М. Васильева, 1973.
«Гагарин». Книга-альбом, 1968.
Гагарин Ю., Лебедев В. **Психология и космос**, 1971.
Береговой Г. **Угол атаки**, 1971.
Волков В. **Шагаем в небо**, 1973.
Леонов А., Соколов В. **Звездные пути** (Альбом рисунков), 1971.
Николаев А. **Космос — дорога без конца**, 1974.
Шаталов В., Ребров М., **Люди и космос**, 1975.
Шонин Г. **Самые первые**, 1976.
Обухова А. **Любимец века**, (О Ю. Гагарине), 1972.
Голованов Я. **Королев**, 1972.
Канаев В. **Ключ на старт!** (О ракетном моделировании), 1972.

29 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ